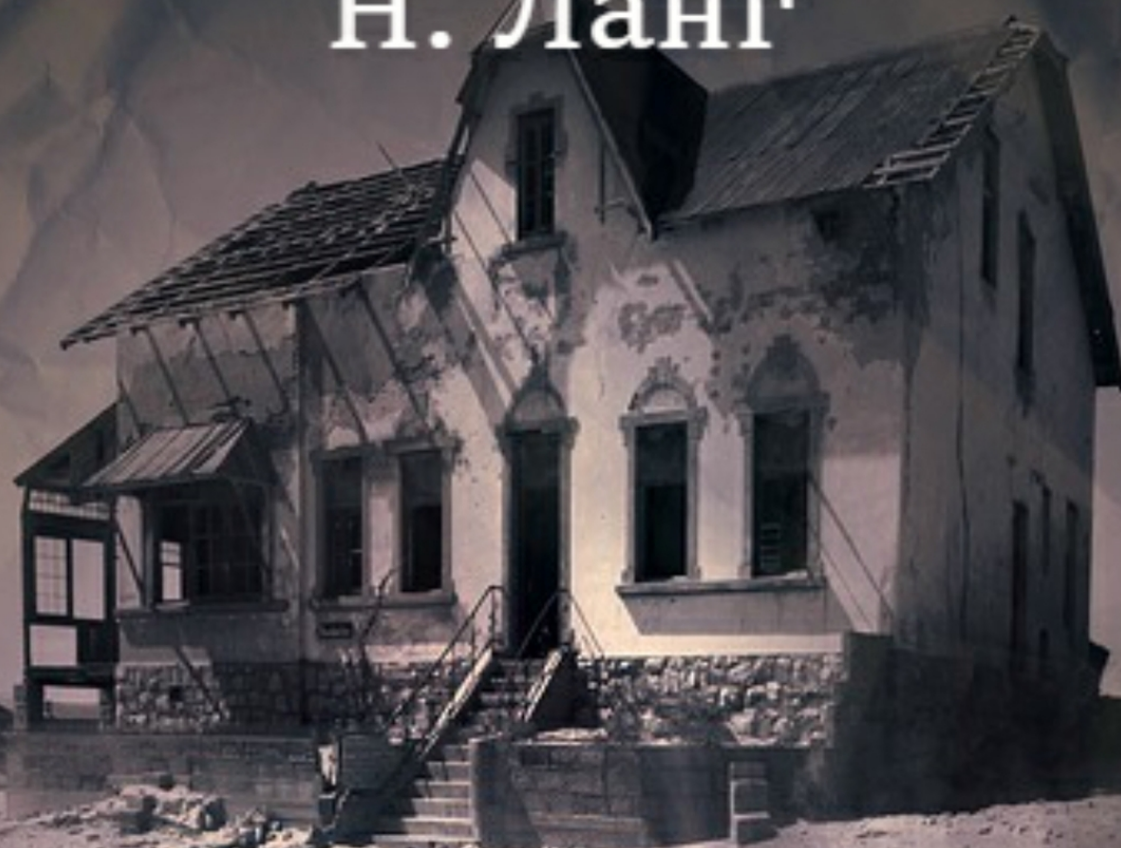

Н. Ланг

Город теней

На краю пропасти

18+

Н. Ланг

Город теней

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ланг Н.

Город теней / Н. Ланг — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Уютный городок Береговой настигла катастрофа - посреди ночи под землю рухнул старинный квартал, образовалось несколько крупных провалов. Уцелевших горожан спешно эвакуируют. Фотокорреспондент Марк Ланской едет в командировку - снимать репортаж о случившейся трагедии. И бесследно исчезает. На поиски журналиста отправляется его коллега Вадим Платонов. Чем глубже он погружается в перипетии этой истории, тем отчетливее понимает, что потрескавшиеся фасады и руины зданий, долгое время служившие пристанищем людей, хранят множество тайн.

© Ланг Н., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Падение Триполи	6
Глава 2. Последняя встреча	21
Глава 3. Прогулка среди теней	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пролог

Стрелка спидометра рванулась к отметке сто шестьдесят километров в час, машина то и дело подпрыгивала на ухабах, и любой неосторожный маневр мог стоить жизни водителю. Нужно спешить! Блеснула молния, ослепив Марка Ланского. Следом раздался оглушительный гром. Чутьё подсказывало Марку – это не обычная гроза. Разве может ненастье разразиться, когда небо ясное? Дорожное полотно на ветхом мосту с грохотом обрушилось в стремительно мелевшую реку. Будто спички, ярко вспыхивая, столбы электропередач летели в бушующую пропасть. Марк отчаянно хотел выбраться из этого гиблого места, но неумолимые воды мутной реки уносили прочь большие куски асфальта, разрушая единственную связь с внешним миром. Теперь Марк лишился последней надежды на спасение.

"Сохраняй ум и сердце холодными – так выкарабкаешься" – внушал он себе, нервно сжимая руль.

Ланской остановил Форд Эксплорер в нескольких метрах от обвала. Ощущая дрожь земли, он вышел из машины и застыл, поражённый тем, что увидел.

Глава 1. Падение Триполи

Капли дождя расходились широкими кругами по лужам. Дождь шёл уже три дня подряд, то, превращаясь в плотную влажную пелену, то, усиливаясь до ливня. Осень вступила в свои права и не скупилась на осадки. Тусклые краски Москвы повергали в уныние.

Покинув вестибюль метро, Вадим Платонов остановился у пешеходного перехода и закурил.

– Проклятый дождь! Всё льет и льёт! – выругавшись, он оттряхнул рукава серого плаща. Сигарета быстро промокла и погасла.

– Пора бы уже строить ковчег, – пошутил прохожий.

В его руках Вадим увидел газету первая полоса, которой отдана репортажу о революции в Ливии. Шокирующий кадр, очень сильный композиционно, как нельзя лучше иллюстрировал реальность в охваченной мятежом стране. На передовице запечатлена мать с погибшим сыном. Измождённое, полное скорби лицо женщины врезалось в память. Особенно её чёрные глаза, казалось, в них сосредоточена вся боль мира. Это напоминание о том, что самые страшные раны наносит война. Вадим не узнал снимок. Любопытно, кто же автор? Платонов напряг зрение и разглядел фамилию. Фотография предоставлена Марком Ланским – другом и коллегой Вадима.

В его памяти яркой вспышкой пронеслись воспоминания. Триполи – крупнейший город – порт, столица Ливии, некогда процветавшего государства Ближнего Востока. Ныне же полуразрушенный Триполи – нищий городишко с разбитыми дорогами, где всюду разбросан мусор, в котором может быть спрятана взрывчатка. Страх стал неременным спутником жителей. Никто в этом богом забытом месте не знал, где и когда его настигнет гибель.

Всё началось с "Дней гнева". По стране прокатились мирные протесты с требованием отставки Муаммара Каддафи, правившего больше сорока лет. Столкновения демонстрантов с представителями правопорядка переросли в вооружённый конфликт, который перешёл в самую острую фазу, когда смерть собирает большой урожай. Наступили беспокойные времена – голод, гнев и вражда поселились в этих краях и озлобили людей.

Свою ненависть повстанцы обращали во взрывы. Здесь каждый бесхозный пакет или неправильно припаркованный автомобиль мог стоять кому-то жизни. Мятежники верили в "свободную" Ливию, верили, что настанет равенство. Но Триполи превратился в филиал ада на Земле, маленький тартар, в котором нашли забвение множество людей.

Война велась не только на полях сражений, но и в медиапространстве. В последние десятилетия все локальные конфликты освещали военные журналисты. Множество фотографов, операторов и корреспондентов из разных стран приезжали, чтобы рассказать о военных действиях и судьбах мирных жителей. Сухие факты быстро разлетались по изданиям, но за этими фактами скрывались человеческие истории – яркие, наполненные страданиями и счастьем. Именно эти истории интересуют обывателей по всему миру. Жители мегаполисов покупают газеты по утрам; или путешествуют по просторам Интернета, переходя с одного портала на другой; или щёлкают кнопками телевизионного пульта, переключая каналы, в поисках будоражащих рассказов. В бесконечном потоке информации завладеть вниманием зрителя, взволновать его, может лишь та новость, которая заставит сопереживать или ощутить ужас. Видя разрушенные дома, муки беженцев, потерявших кров, зрители или читатели испытывают облегчение, ведь несчастье пришло не к ним на порог. Обычно люди не до конца понимают всю глубину чужих страданий, если сами не пережили горе. Только личное соприкосновение с темой может стать основой успешного репортажа.

Стоит ли фотография или хороший сюжет жизни?

– Да! – не задумываясь, ответил бы фотограф Платонов.

Вадим Платонов вёл кочевой образ жизни, долго не задерживался ни на одном месте. От рождения и до тридцати двух лет он сменил около десяти городов. В детстве скитался по гарнизонам за отцом – полковником воздушно-десантных войск, в юности переходил из одного учебного заведения в другое. Под стать кочевнику, Вадим обладал экзотической внешностью: чёрные, как густая смола волосы, карие раскосые глаза, широкие татарские скулы. Обыкновенно он носил бородку, за которой тщательно ухаживал. Был высокого роста и считался одним из самых результативных игроков сборной университета по волейболу. Отец привил ему любовь к спорту, вместе они часто ходили в походы, а повзрослев, Вадим увлёкся альпинизмом. Горы закалили его характер. Без движения Платонов не мыслил жизни, в движении он познавал себя. Природа щедро одарила Вадима мудростью и спокойствием, что позволяло ему приспособляться и успешно работать в щекотливых обстоятельствах. Обладая общительным нравом, Платонов легко сходился с людьми. Везде он успевал обзавестись друзьями, с которыми впоследствии поддерживал отношения. Его дом, или гостиничный номер, вне зависимости от того, куда привела судьба, всегда был полон гостей.

– Доброе утро! – крикнул Марк Ланской, заглянув в номер.

Они снимали комнаты по соседству в обстрелянной гостинице, которую обходили стороной многие журналисты, приезжавшие в столицу Ливии. У отеля имелось очевидное достоинство – он располагался в самом сердце Триполи, откуда можно быстро добраться в любой район города. До начала Гражданской войны в маленькой гостинице иногда не хватало мест, чтобы поселить всех желающих, но сегодня из всех номеров заняты только два. Коллег разместили в самых лучших комнатах, обставленных с восточным размахом.

В ответ Марк слышал нечто невнятное. Ведомый любопытством, он прошёл в ванную.

– Что происходит? Ты брешешь? – удивленно спросил Марк, заметив в руках Вадима бритвенный станок. В рубашке цвета хаки и чёрных брюках, Платонова можно было принять и за военного, и за повстанца.

В течение трёх лет их знакомства Вадим никогда не брил бороду, лишь немного менял её форму. Некоторые суеверные фотографы полагали, что сбросившего бороду во время ответственной командировки, постигнет неудача. Вадим скептически относился к нелепым предрассудкам.

Марк Ланской хоть и был образованным человеком, но всё же верил в некоторые приметы. Так он считал, что с фотоаппаратом надо обходиться ласково, чтобы он не сломался в самый неподходящий момент.

– Знаешь, как говорят в тех местах, откуда я родом? Борода не честь, она и у козла есть, – сказал Вадим, сбривая волосы на щеках.

Марк коснулся мужественного гладко выбритого подбородка. Внешне он казался полной противоположностью друга – невысокий, крепко сложенный, тёмно-русые волосы оттеняли ярко-голубые, словно весеннее небо, глаза. Его волос уже успела коснуться седина, а у глаз и в уголках рта обозначились морщины, но когда он улыбался, его лицо становилось мальчишеским. В одежде Марку нравилось, прежде всего, удобство, поэтому официальные костюмы редко появлялись в его гардеробе. Обычно он предпочитал рубашки с закатанными рукавами, практичные брюки с множеством карманов, где хранились разные мелочи, полезные для работы, из обуви – ботинки – берцы.

К тридцати четырём годам он ещё не успел обзавестись семьёй, причиной тому стал его нелюдимый замкнутый характер. Марк не любил рассказывать о себе, да и вообще порой, выбирал одиночество. Один он снимал квартиру, один работал и проводил свой досуг. Но время от времени Марк уставал от добровольного уединения, и тогда заводил короткий необременительный роман.

Переехав в столицу из сибирского городка, Марк начал карьеру журналиста в отделе происшествий газеты "Мегаполис". Писал статьи. Аварии, теракты, громкие судебные процессы, а

между ними гороскопы. Уже тогда, своими репортажами он умел создать эффект присутствия. Приходилось работать быстро, ведь со времен античности, когда поэты воспевали подвиги героев сражений, скорость подачи информации увеличилась. Догнать и перегнать – вот девиз современного журналиста. Спустя три года службы в "Мегаполисе", Марк выезжал на заседания судов и чрезвычайные происшествия с фотоаппаратом. В редакцию он привозил много ярких фотографий и только пару строчек – точно отражавших суть происходившего.

– Ах, Марк, написано гениально, но слишком мало, – вздыхал главный редактор отдела происшествий.

– Но ведь, честно. Это не передать словами, только фото способно откровенно и без прикрас рассказать правду читателям, – отвечал Марк.

Из-за разногласий с главным редактором "Мегаполиса" он уволился, и почти сразу ему предложили работу в издании "Утренняя звезда". С тех пор он выезжал на место событий исключительно, как фотокорреспондент. Марк узнавал о происшествиях первым – ловил слухи, часто пользовался связями с полицейскими. Ланской ценил своих информаторов и никогда не нарушал их конфиденциальности, обычно они не подводили его. Получив данные, Марк был готов сорваться на съёмки даже посреди ночи – так был одержим своей работой. Не выжидая, пока боги информации смилоостивятся и пошлют тему для очередного репортажа, он сам находил интересные истории и умело их рассказывал, не только словами.

Между съёмками Марк слушал музыку – разную, но особенно любил классическую. Включив плеер, начинал выбирать лучшие снимки. Этот слишком размыт, а значит, подлежит удалению, затем следующий недостаточно хороший отправлялся в корзину. Марк беспощадно избавлялся от неудачных кадров, почти не оставляя выбора фоторедакторам. Во время работы он становился бесчувственным инструментом, который безошибочно определял, работает или нет определенный кадр, затронет ли он сердце того, кто его увидит. Марк, словно превращался в функцию. Только когда приступал к редактированию материала, он испытывал всё то, что произошло с ним на съёмках.

Однажды, побывав в зоне военного конфликта в Цхинвали, Марк больше не мог отказаться от командировок в горячие точки. Война захватила всё его существо, взволновала ум и душу. Именно на войне он остро ощутил, что живёт, а фотография стала для него прекрасным средством самовыражения. Что ждало его в Москве? Унылые будни, съёмки судов и чрезвычайных происшествий, а вечерами – светских раутов. Пожив в столице какое-то время, он вновь ехал в зону боевых действий. За несколько лет Ланской побывал во многих горячих точках Земли. Война была чем-то сродни наркотическому дурману, завлекавшему в свои сети. Тест на выживание, предложенный самой судьбой – либо ты втягиваешься, и военные конфликты превращаются в смысл жизни, либо же война становится запретной темой. Марк прошёл этот тест и выбрал для себя первый вариант.

Постепенно локальные боевые действия сделались для него странным путешествием в параллельную вселенную – страшную, но очень притягательную. И когда Марк возвращался в Москву – другую реальность, наполненную неинтересной работой, он начинал скучать и впадать в депрессию. Угроза отступала, а вместе с ней уходил и адреналин. В душе Ланского рождалось страстное желание вернуться туда, где опасно, туда, где жизнь может оборваться в любой момент. И когда вспыхивала очередная локальная война, он мчался в страну, объятую пламенем, готовый рисковать собой ради кадра, способного перевернуть мир. Марк всегда работал с особым азартом, присущим всем талантливым людям, мог неделями "охотиться" за снимком, который, определенно, прославит его. Он любил своё дело и превращал его в искусство.

Марк боялся возвращаться к мирному существованию, обыденность пугала его больше смерти. Он ярче чувствовал жизнь, только когда вокруг звучали взрывы, и судьба благоволила – его ни разу не задела пуля. Знакомства, которые Ланской заводил именно в чрезвычайных

обстоятельствах нередко перерастали в крепкую дружбу. В мирной жизни он был сдержан и неразговорчив, но перед лицом опасности менялся – становился оптимистом, часто шутил. Несколько лет назад он познакомился с Вадимом Платоновым – фотокорреспондентом Агентства мировой информации. Под обстрелом грузинских войск они впервые пожали друг другу руки. С тех пор прошло много времени, казалось, несколько жизней минуло. Были командировки в Киргизию, Египет, Турцию – калейдоскоп событий, где находилось место дружеским встречам.

Марк всегда следил за творчеством своих коллег, старался быть на шаг впереди. На его глазах одни государства распадались, другие рождались из крови и боли собственных граждан. В фоторепортажах, сделанных им, запечатлены трагические страницы истории нескольких держав.

– Повстанцы празднуют на Зелёной площади. Надо ехать, – сказал Марк, когда Вадим закончил бриться. – Я позвонил Абдалле.

Вот уже несколько недель они сотрудничали с фиксером Абдаллой, который служил для них и гидом, и переводчиком. По прибытии в Триполи, в аэропорту, где царила ужасная неразбериха, они встретили паренька, ошивавшегося там, в поисках наживы. Неделей ранее его отца убили "каддафисты" и теперь ему предстояло кормить семью. Он помог журналистам найти гостиницу. Абдалла оказался хорошим малым, расторопным, спокойным и на удивление добрым, что считалось настоящей редкостью в ожесточенном войной городе, а ведь парень рисковал, сотрудничая с иностранцами.

Машина уже ждала их во дворе. Маленький старый форд, покрытый пылью, быстро терялся на оживлённых дорогах Триполи. Марк, как всегда, предпочёл сесть на заднее сиденье, а Вадим устроился рядом с водителем.

– Здравствуй, ребята! – на плохом русском с сильным арабским акцентом сказал фиксер Абдалла. Паренёк с недельной щетиной на худом лице, одетый в мятую рубашку и джинсы, давно потерявшие цвет. Ему едва исполнилось восемнадцать и он отращивал бороду, считая, что так будет выглядеть солиднее.

– Привет! – сказал Вадим и пожал его худую, жилистую руку.

Абдалла включил радио и нажал на газ. Он любил быструю езду и громкую музыку, прекрасно знал город и мог найти выход из любой ситуации, что позволило ему за короткий срок стать лучшим в своём деле. Абдалла даже выучил несколько фраз на русском языке.

Марк, слушая соул, настраивал фотоаппарат, а Вадим, скучая, смотрел в окно. Каким красивым местечком был Триполи до революции. Здесь сохранилось множество древних достопримечательностей, которые почти превратились в руины. Старинные мечети, построенные несколько веков назад, украсились следами обстрелов. Некогда оживлённые рынки, где в мирное время шла бойкая торговля, пустовали. Многие дома, в которых всё ещё жили люди, хранили на себе свидетельства ожесточенных боёв между "каддафистами" и повстанцами. На стенах зияли дыры от пуль и осколков. Форд проехал мимо магазина, где собралась огромная очередь. С продовольствием, как и с водой, возникали перебои, и очереди с каждым днём становились длиннее.

Миновав несколько кварталов, фотографии, наконец, добрались до места назначения.

– Удачи! – пожелал им фиксер Абдалла.

– Спасибо, шеф, – ответил Вадим и вышел.

Марк ничего не сказал, но он как никто другой знал, удача им пригодится. С тяжёлым сердцем он покинул машину и заметил, как Вадим с сожалением посмотрел вслед уезжавшему форду.

Солнце висело на небосклоне горячее, словно жареный блин, на сковородке у повара. Марк, щурясь, посмотрел на горизонт. На небе ни облачка, а значит, предстоит знойный день.

Солнце накалит и без того горячую обстановку. Рядом слышалась автоматная очередь и крики сотен людей.

– Нам сюда, – Марк кивнул в ту сторону, откуда слышались выстрелы.

В этом заключалась их работа – идти туда, где опасно, чтобы сделать сенсационный репортаж, чтобы рассказать зрителям или читателям о том, что происходит, когда ведутся боевые действия.

Марк решительно зашагал по узкой улочке, которая уходила к Зелёной площади. Вадим последовал за коллегой. Они свернули за угол и через мгновение увидели огромную толпу повстанцев, некоторые из них держали в руках флаги оппозиции. Красно-чёрно-зелёные стяги с полумесяцем и звездой, те, что использовались в период, когда Ливия была королевством. Мятежники ждали решающей битвы. Битвы за Триполи. Разъярённая толпа скандировала лозунги, люди желали смерти Муаммару Каддафи. Сродни цунами, после сильного подземного толчка, безжалостная волна сметала всё на своём пути. Мятежники шагали по Зелёной площади – сердцу ливийской столицы. И сердце это отбивало барабанную дробь, отсчитывая последние часы существования режима, ставшего ненавистным.

Вадим огляделся. Они были всего в километре к югу от Баб-аль-Азизии, резиденции Каддафи, за которую упорно сражались повстанцы. Баб-аль – Азизия – последний оплот режима полковника в Триполи. Там ещё развеваются зелёные флаги Джамахирии, истерзанные ветрами и пулями. Штурм был в самом разгаре, раскатами грома слышались отдалённая стрельба и удары авиационных сил.

– Как думаешь – сегодня всё кончится? – спросил Вадим, перекрикивая шум толпы.

Марк пожал плечами и с улыбкой полной иронии сказал:

– Аллах ведает. А теперь за работу, история сама себя не напишет и не сфотографирует.

Смешавшись, с бушующей, словно штормовое море, толпой, военкоры шёлкали затворами фотоаппаратов, выхватывая самые яркие кадры. Фотограф не должен принимать ничью сторону, фотограф – это летописец, бесстрастный наблюдатель. Вадим придерживался этой аксиомы. Он смотрел на объект съёмки несколько отстранённо, словно со зрительской скамейки на захватывающий матч. Его снимки всегда отличались строгостью и выверенностью композиции, однако в них было мало эмоций. А Марк изобретал собственные правила. Скрупулезно документируя реальность, он растворялся в толпе, становился частью события, жил и дышал вместе с участниками мятежа. Непостижимым образом он умел проникнуть в стан противника незамеченным.

Телевизионщикам приходилось сложнее – камеры, микрофоны и жилетки с надписью "PRESS" были заметны, поэтому журналисты устроились для записи стендапов чуть поодаль. Их синие жилеты порой становились чем-то вроде красной тряпки для бешеного быка.

Сторонники полковника Каддафи вступили в ожесточенное противостояние с повстанцами, скорее походившее на предсмертную агонию. Начался безумный хаос, Вадим, поймав несколько удачных кадров, собирался ретироваться. Атмосфера накалялась, его теснили в сторону.

Марк в центре толпы делал снимки. Это было опасно – Ланской редко носил бронежилет и каску. Он предпочитал работать с маленьким беззеркальным фотоаппаратом, который было легко спрятать, что позволяло быть неприметным. Ланской не любил быть сторонним наблюдателем. Без тесного соприкосновения с происходящим трудно сделать хорошие снимки. Фотограф должен подойти настолько близко, насколько это позволяют обстоятельства; не пострадать, максимально наполнить фотографии чувством; заставить кадры рассказывать истории, чтобы они вызвали сопереживание. Непременный зрительный контакт с объектом – вот то простое правило, которое фотокорреспондент "Утренней звезды" выработал для себя, снимая в экстремальных условиях. Хотя Марк и отрицал, но каждый конфликт, запечатлённый им,

оставлял на его душе неизгладимые следы. Маленькие, тонкие раны, которые уже никогда не затянутся.

Повстанцы, подхваченные сатанинской пляской смерти, рвали зелёные флаги Джамахирии и топтали портреты Муаммара Каддафи. Танцевали с автоматами и стреляли в воздух, некоторые из мятежников взбирались на крыши автомобилей.

– Аллах Акбар! Аллах Акбар! – несло отовсюду.

Мятежники верили в лучшую жизнь, которую им обещали. Они почувствовали ветер свободы. Но Вадим не ощутил ничего кроме запаха гибели, витавшего в воздухе. Напоминая обезумевших от запаха крови, шакалов, сепаратисты раздирали страну на части.

Адреналин большими порциями выбрасывался в кровь, разливаясь по телу, горячей волной. Вадим огляделся в поисках коллеги, но Марк словно растворился в озверевшей толпе.

Вадима теснили со всех сторон, не давая выбраться на тротуар. Повстанцы кричали на арабском проклятия Каддафи. Вадим успел сделать несколько снимков. Важнейшие моменты истории фиксировались на карте памяти фотоаппарата. Это своеобразная цифровая летопись. После потопки рассудят – кто прав, а сейчас есть лишь один шанс и его нельзя упустить. Вадим, забыв о композиции и выдержке, вырывал у судьбы острые моменты. Вооружённые бунтовщики организовали большой костёр и передавали друг другу портрет полковника Каддафи. Они всячески выражали своё презрение, плевались и грозили кулаками, а затем бросили портрет в огонь, и улыбку полковника сожрало пламя. Вадим сфотографировал самого неистового мятежника, стараясь быть незаметным. Но тот услышал щелчок затвора.

– Отдай мне фотоаппарат! – по-арабски потребовал один из повстанцев.

Воцарилась напряженная тишина, которую тут же взорвали недовольные возгласы. Кто-то схватил Вадима за ворот рубашки, кто-то пытался отобрать камеру. Сразу несколько десятков рук вцепились в него. Вокруг слышались возбуждённые крики. Вадим не владел арабским, но понял, что эти люди, почти потерявшие человеческий облик, требовали расправы над ним. Ещё миг и его разорвут на клочки.

– Что вы делаете! – орал Вадим по-английски. – Я фотограф! Пресса! Пресса!

Его голос полный отчаяния утонул в яростных воплях толпы. Внезапно рядом рванула граната со слезоточивым газом, на секунду, оглушив Вадима. Окружавшие его люди, подобно тараканам, кинулись врассыпную, но этого Вадим почти не видел. Всё вокруг заволкло дымом. Резало глаза, к горлу подступил комок, фотокорреспондент едва мог дышать.

– Вот чёрт, пропадите вы все, – выругался Платонов, вытирая навернувшиеся слёзы.

Вадима толкали в сторону тротуара. На секунду он растерялся, ощутив головокружение. Казалось, он попал в губительный водоворот, который затягивал его.

– Осторожнее! – сказал мужчина, появившийся, словно из воздуха.

Он схватил Вадима за локоть и помог ему выбраться из человеческой свалки. Незнакомец был высок ростом, и заметно выделялся из толпы кареглазых смуглых повстанцев белой кожей и пронзительными голубыми глазами. Акцент выдавал в нём подданного Французской Республики.

– Вы в порядке? – спросил он.

Вадим утвердительно кивнул. Незнакомец в тот же миг растворился, будто мираж в пустыне. Вадим сел на бордюр и несколько минут глубоко дышал, возвращая самообладание. Ещё никогда смерть не подходила к нему так близко. Сердце билось о рёбра, как отчаянная птица о прутья клетки. Успокоившись, Вадим осмотрел фотоаппарат. Больше всего он боялся потерять или разбить свой рабочий инструмент. С этой камерой он побывал во множестве горячих точек планеты и отовсюду возвращался живым и невредимым, сделав удачные снимки. Он бережно положил фотоаппарат в кофр, потом порадовался, что надел тёмные брюки – никто не заметит тонкую струйку мочи, стекавшую по ногам. Он ощутил, как адреналин отступает, оставляя нервную дрожь и усталость. Раньше Вадим думал, что бояться только слабые,

трусливые люди, но позже, оказавшись на линии огня, осознал, что страх – естественная реакция, которую не все могут побороть. Только человек наделённый отвагой может противостоять страху.

Облако слезоточивого газа рассеялось. На площади царил суматоха – мятежники хватали "каддафистов" и уводили в неизвестном направлении. Вадим растерянно озирался в поисках Ланского, но в такой сутолоке не смог его найти. Бывало, Марк пропадал надолго, но всегда возвращался с великолепными снимками.

Асфальт был усеян гильзами, иногда слышались редкие далёкие выстрелы. Оставаться здесь невероятно опасно, поэтому Вадим отправился в Lamma safe, где по обыкновению собирались сливки журналистского сообщества.

– Охота удалась? – спросил Вадим, увидев Марка на пороге кафе.

Ланской ничего не ответил, словно и не слышал вопроса. Он всегда держался обособленно, что окружающие нередко принимали за высокомерие. Вадим заметил – одежда коллеги местами разорвана, а кожа на щеке оцарапана. Ланской заказал себе какую-то красную жижу, отдаленно напоминавшую суп.

– Похоже на кровь замученных ливийцев, – пошутил один из самых молодых военных фотокорреспондентов.

Марк улыбнулся светло и по-доброму, будто никогда не видел ужасов войны, так, что всем стало неловко от этой глупой шутки.

Война повлияла на них. Марк не мог долго находиться там, где спокойно и ничего не угрожало его жизни. Он был зависим от опасности, любил рисковать. Вадим же, напротив, предпочитал непродолжительные командировки в зону боевых действий. Он остро воспринимал боль и страдания людей. После месяца работы в горячей точке инстинкты притуплялись, и смерть, что всегда караулила зазевавшихся, легко могла сцапать его. Вадим уезжал в Москву, а Марк оставался и выжидал возможность снять тот единственный кадр, который его прославит. В тайне он мечтал о лаврах Константина Симонова и Роберта Капы.

Марк достал из сумки противогаз и бросил его на стол.

– Умно! – похвалил Филипп Дегтярев и взял противогаз в руки. – А главное вовремя.

Необходимая вещь в подобных обстоятельствах. Филипп надел противогаз, вспомнив школьные уроки по безопасности жизнедеятельности.

– Где ты взял его? – глухо прозвучало из противогаза.

Марк оставил вопрос без ответа, лишь загадочно улыбнулся и принялся за свой суп. Вадим, зевая, оглядывался. Старая барная стойка из дешёвого пластика, несколько кривоногих столиков и расшатанные стулья нагоняли тоску. Обстановка совсем непритязательная, говорила о том, что дела у хозяина идут неважно. В кафе кроме них не было никого. Местные жители обходили его стороной. Ведь в любой момент сюда могли ворваться "каддафисты" или повстанцы.

– Опять чёрное поле, – прорычал один из телевизионных операторов.

Телевизионщики готовили материал о боях за Баб-аль-Азизию. Многие из них уже привыкли монтировать сюжеты, находясь в чрезвычайных ситуациях. Монтаж – соединение разрозненных видео кадров в единое целое, успокаивал.

– Друг, да ты – пессимист, – похлопал его по плечу корреспондент. – Пессимисты говорят – чёрное поле; оптимисты – место, свободное для монтажа.

Корреспондент кинул взгляд на часы и сказал оператору:

– Живей, эфир через полчаса.

Так проходили дни в эмоциональном накале между съёмками и подготовкой сюжета к эфиру. Негласное правило – успеть передать готовый материал, даже если тебя сносит волной цунами. Репортаж должен быть сделан любой ценой.

– Какие планы на сегодня? – спросил Родион Белецкий.

Обычно он выводывал у более опытных коллег важную информацию.

– Общий, средний, крупный, – ответил оператор со шрамом на лице. Он любил снимать монтажные фразы, даже в самых экстремальных условиях.

– Это ясно, но вечером опять предполагалось какое-то движение на Зелёной площади. Вы что-нибудь об этом слышали?

– Я пропускаю. Пойду в отель и выберу снимки, – сказал Вадим, – нужно проверить почту.

"Мы давно стали чужими. Нет ничего хуже, чем просыпаться рядом с посторонним человеком. Ты променял меня на работу, я чувствую себя лишь подходящим вариантом. Тебе было удобно, что дома тебя ждёт преданная дворняжка, которая за каплю ласки, готова на многое закрыть глаза. Как же я ошиблась, выйдя за тебя замуж...", – Вадим в недоумении смотрел на строки, возникшие на мониторе. Среди них он увидел слово "развод", а слово "ненавижу" резко кольнуло его в самое сердце. В письме сквозила боль, она витала в воздухе, ею были пропитаны вещи, она кровавой раной рассекла многие семьи в Ливии и разорвала его собственную.

Расставание произошло быстро, никто из них не ощутил печали, она настигла их только сейчас. Вадим понял, что больше не нужен той, которая когда-то любила его. Жена не ждала Вадима из командировок, не встречала в аэропорту, как раньше держа в руках пакетик с тёплыми пирожками или, например, свитер. Ведь часто он возвращался домой в зимнюю пору из жарких стран, охваченных пламенем войны. Платонову нравилась такая забота, и он благодарил жену, но она охладела к Вадиму после третьей годовщины свадьбы. Любовь умерла тихо без яркой агонии, в один миг они почувствовали одиночество вдвоём.

У них были сладостные моменты, когда симпатия ещё жила в их сердцах. Вадим вспоминал первое лето совместного счастья. Он только начал работать в Агентстве Мировой Информации и не так часто ездил в опасные командировки. Тогда жена видела в нём мужественного романтического рыцаря, презиравшего риск, и это нравилось ей.

После свадьбы они отдыхали в Римини, долго окунались в ласковые волны и предавались любви. Золотое время их брака.

– Хочу, чтобы счастье длилось целую вечность, – сказал Вадим, вглядываясь в синеву морского горизонта.

Жена ничего не ответила, лишь улыбнулась. Он любил её таинственную улыбку, брошенную невзначай, любил её красивый профиль и нежную кожу, мерцавшую в солнечном свете. Волосы её развевались на ветру, в них плясали рыжие блики. Она напоминала солнце – яркая, тёплая и ласковая. Почему же любимая тогда не сказала, что счастья и не существует вовсе? Или что оно, подобно жизни стрекозы, длится лишь одно лето? Вадим так и не успел понять, когда между ними пролегла мрачная тень ревности. Жена не доверяла ему и душу Вадима отравляли сомнения. Может быть, супруга вверила свою судьбу другому, кто теперь наслаждается её улыбкой и занимает место Вадима, делит с ней закаты и рассветы, как это раньше делал он.

Платонов вскочил, прошёлся по балкону, будто волк, заточённый в клетку. Ударив кулаком о стену, он вернулся к ноутбуку и открыл новое письмо, бегло просмотрел его, читая между строк гневные проклятия, которые жена посылала сквозь пространство, разделявшее их. Боль не утихала, она переместилась из сердца в кулак, а затем разлилась по всей руке. Вадим настолько погрузился в свои переживания, что не заметил, как на террасе появился Марк. Несколько мгновений он безмолвно наблюдал за тем, как Вадим бессмысленно смотрел на экран, потирая разбитую в кровь руку.

– Что делаешь? – поинтересовался Марк.

– Прощаюсь с прошлым! – ответил Вадим, удалив письмо в корзину.

В недалёком прошлом жена писала трогательные страстные записки и оставляла их в карманах брюк. Когда Вадим находил любовное послание, он чувствовал, что дорог ей. Теперь же она ограничилась электронным сообщением, полным яда.

– И кто этот несчастный? – с иронией спросил Марк.

Он редко переписывался с близкими во время командировок, полагая, что подобные мелочи отвлекают от важных вещей.

– Несчастливая! – поправил его Вадим. – Моя жена.

Платонов с сожалением посмотрел на монитор, где возникло новое письмо, от которого веяло холодом одиночества.

"Развожусь с тобой" – прочитал он.

– И всё же бабы – вероломные создания, – произнёс Вадим.

– Прошла любовь. Ей, должно быть, надоело ждать тебя, не каждое сердце на это способно. Ожидание – самое сильное испытание отношений на прочность. А, может быть, она боится, что вместо тебя получит твоё безжизненное тело? – сказал Марк, сев рядом. – И что теперь?

– Здравствуй, грусть! В конце концов, готовить я умею.

Марк усмехнулся, он как никто другой был знаком с прелестями холостяцкой жизни.

– Любовь – искусство компромиссов, – всё ещё улыбаясь, изрёк Марк.

– Но, что такое компромисс? Отказ от своих убеждений! Я не намерен уступать! – побагровев, воскликнул Вадим. – Она требует, чтобы я поменял профессию, хочет, чтобы я больше не занимался съёмками военных действий.

– И ты выбрал работу, выбрал кровь, грязь и деньги вместо любви, – задумчиво нахмутив брови, заключил Марк.

– А ты бы как поступил?

– Я бы выбрал работу, – без колебаний ответил Марк. – Возможно, когда-нибудь я предпочту простое, незатейливое счастье. Но, видишь ли, я такой человек, которому, чтобы начать заново жить, нужно разрушить старую жизнь, нужно умереть и возродиться.

Вадим рассмеялся, хотя эта мысль и показалась ему странной.

– Я не столь радикален, – признался он и вернулся к электронной почте.

Покончив с последним письмом, Вадим вдруг почувствовал небывалое опустошение и облегчение одновременно, словно кто-то избавил его от ответственной миссии. Не в первый раз отношения с девушками обрывались на минорной ноте.

– Наконец-то всё прояснилось, – с горечью осознал Вадим.

Он не любил недосказанности и тонких намеков, ценил людей за откровенность.

– Пора ужинать, – тихо напомнил Марк.

Они спустились в столовую, где находились только хозяин – коренастый ливиец, увешанный оружием, и повар.

– Что на ужин? – дружелюбно спросил Ланской по-английски.

Хозяин гостиницы и одновременно администратор широко улыбнулся, сверкнув золотым зубом. Он провёл их на кухню, где в спокойные времена трудилось множество поваров, а ныне остался лишь один подмастерье. Хмуро глянув на них, повар выложил эришту на плоское блюдо и поставил на старый поднос.

В воздухе витал пряный запах восточных приправ, которыми испокон веков любили сдабривать блюда местные кулинары. Пожалуй, кухня оставалась единственным местом, куда революция не добралась, хотя перемены в меню стали уже заметны. На столе Марк увидел наполовину полную бутылку джина Бифитер.

– Разве в Ливии отменили сухой закон? – удивился Вадим.

– Нет, что вы, – ответил хозяин отеля.

Подмастерье что-то сказал по-арабски, Вадим и Марк недоуменно переглянулись.

– Он сказал, что вы можете забрать выпивку, если хотите, разумеется, – перевёл хозяин отеля, – также мы накормим вас вкуснейшими блюдами ливийской кухни. Нигде в Триполи вы не найдете места, где бы подавали такую великолепную эришту.

– Можно? – Марк указал на бутылку.

Повар угрюмо кивнул. Он, похоже, не был расположен к общению.

– Что с ним стряслось? – поинтересовался Вадим у хозяина отеля.

– У него вчера мать убили повстанцы, – объяснил ливиец.

Повисло напряженное молчание. Такова была правда в Ливии: знать, что тебя могут убить, но гораздо страшнее, когда погибает любимый человек.

– Он потерял мать и теперь, знаком с войной очень близко, – сказал хозяин гостиницы.

Постояльцы согласились с ним. С подносами они вернулись на террасу и не спеша, приступили к ужину, глядя на мятежный Триполи. И вечерами город не умолкал, казалось, демоны пожирали повстанцев изнутри.

Солнце уже зашло за горизонт, окрасив небо пурпуром. Ближе к ночи воздух становился свежим, дневная жара отступала. Гостиница построена на небольшом холме, откуда открывалась красивая панорама города, раскинувшегося на берегу Средиземного моря. Неподальку на Зелёной площади возвышалась Триумфальная арка Марка Аврелия – одно из старинных сооружений, украшавших столицу.

Коллеги по обыкновению обсуждали рабочие будни, сходились во мнении, что во время революций острее ощущается жизнь. В подобных обстоятельствах раскрывается человеческий характер, все его грани – от невероятной низости до благородного героизма.

Марк принёс свой ноутбук и отбирал лучшие фотоснимки. Обычно он оставлял несколько самых удачных и незамедлительно отправлял их в редакцию, где ждали его материалы.

– Я никогда не бываю доволен своей работой! – признался Марк, удаляя хорошие снимки. – Если я сделал, что-то не плохое, то мне мгновенно хочется сделать лучше.

– Просто ты всегда стремишься к совершенству, ищешь идеал, – заметил Вадим, который и сам нередко страдал от приступов перфекционизма.

Они продолжили ужин. Вадим съел мафрум – котлету из картофеля с мясом и эришту – лапшу с бараниной и нутом. Марку нравился салат табуле, приготовленный из рубленой пшеницы и кускуса с добавлением петрушки. Он уже начал привыкать к приторному вкусу ливийской кухни, хотя иногда им овладевала ностальгия по борщу и вкусным домашним пирогам. Асиду, как принято в Ливии, Марк ел руками, обмакивая в мед. Эту трапезу многие ливийцы почти бы за счастье.

Покончив с ужином, Ланской вернулся к отбору фотографий, а Вадим сосредоточенно вглядывался вдаль, мысли были полны грусти. Что-то смутное и необъяснимое тревожило его. Марк внимательно присматривался к каждому фото, чтобы не пропустить ни одной детали, некоторые снимки кадрировал, добавлял яркости и контраста.

– Почему ты редко пишешь? – спросил Вадим, допивая остывший чай.

Он читал репортажи коллеги из предыдущих командировок и нашёл их великолепными. Странно, что столь талантливый журналист выпускает лишь по одному репортажу в год.

– Понимаешь, фотография ярче слов передаёт, то, что происходит на самом деле. Репортаж можно приукрасить, заменить одно слово другим. На фотографии всё происходит здесь и сейчас. Это застывшее мгновение, – с необычайным оживлением рассказывал Марк, – порой невозможно выразить словами эмоции, а снимки совсем другое дело. Доверие тех, кто видит мои кадры для меня важнее всего. Мне хочется заставлять людей думать. Так я могу изменить мир.

Когда Марк говорил о работе, он преображался. Замкнутый и нелюдимый он превращался в увлечённого своим делом человека.

Вадим смешал джин с колой и, не найдя иной посуды, разлил по пластиковым стаканам. Коллеги любовались мерцавшими звёздами, и пили маленькими глотками незатейливый коктейль.

– Меня не оставляет чувство бессмысленности всего происходящего. Почему случается такое? – задал вопрос Платонов.

– Жадность, – тихо ответил Марк.

– Жадность? – словно пробуя на вкус слово, переспросил Вадим.

– Жадность губит всё на свете, золото обращает в песок, людей – в животных. Жадность – причина войн и половины техногенных катастроф.

Вновь возникла пауза, Марк вернулся к своим фотографиям. Вадим украдкой кидал взгляды на его снимки.

– Знаешь, что самое тяжёлое и одновременно интересное в нашей работе?

– И что же? – спросил Марк, удаляя очередной снимок.

– Видеть слёзы матерей, лишившихся своих детей, наблюдать искалеченные судьбы – такова наша участь. Ты встречаешь людей, покинувших родные места, они делятся с тобой своей болью, и радостью, от того, что остались живы. Это всё остается в твоей душе, ведь вместе с ними ты проходишь определённый отрезок собственного пути.

– Пожалуй, это не самое интересное, – сказал Марк, не отрываясь от монитора.

– Ты так считаешь?

– Подобраться максимально близко, взглянуть в глаза концентрированного зла и остаться живым. Самое сложное понять зло. Вот, что интересно!

Вадим ничего не ответил, но в глубине души он согласился с Марком. На мгновение стало тихо. Они были единственными постояльцами отеля, некогда славившегося своим гостеприимством. Кроме них здесь жил только хозяин, который был оснащён оружием не хуже военных.

Марк, включив плеер на полную громкость, надел наушники. Реальность перестала существовать для него. Вадим всматривался в тёмную линию, что разделяла небо и землю. Здесь даже вечер казался другим, нежели на родине. Враждебные, чёрные, как вселенская скорбь, сумерки окутали город, подобно погребальному савану. Вдалеке Вадим заметил яркие огни. Сепаратисты жгли машины и палили в воздух из автоматов на Зелёной площади. Вооружённые до зубов повстанцы собрались у фонтана, который в прежние мирные времена считался одной из достопримечательностей столицы. По окраинам города сделалось совсем темно, не было ни одного фонаря. И вдруг настала удивительная безмятежность – смолкли выстрелы и крики, даже ветер затих.

Погрузившись в музыку древних кельтов, Марк разбирал, сделанные днём фотографии, и почти не обратил внимания на воцарившееся безмолвие. Вадим же насторожился, какое-то странное чувство родилось в груди и не давало ему покоя.

– Слышишь? – он дёрнул Ланского за рукав.

Выключив плеер, Марк прислушался.

– Тишина, странно, – нахмурившись, заметил он.

Тягостное предчувствие надвигавшейся неминуемой катастрофы не покидало их.

– Сейчас рванёт, – прошептал Вадим.

– Я за фотоаппаратом, – произнёс Марк, схватив ноутбук, сорвался со стула и через мгновение был в своём номере.

Что-то ухнуло поблизости с отелем. Взрывной волной выбило все окна в здании. Марк упал на пол рядом с кроватью, стеклом ему посекло щеку.

– Марчелло, где ты? – из коридора донёсся голос Платонова.

В комнату вбежал обеспокоенный Вадим. Он успел собрать вещи, на плече сумка с ноутбуком, объективами и камерой. Марк едва встал, его ненадолго оглушило взрывом.

– Порядок? – спросил Вадим.

– Полный, – отозвался Марк и схватил фотоаппарат.

– Должно быть, революционеры захватили Триполи, – с восторгом проговорил Вадим. На его глазах вершилась история. – Я позвонил Абдалле, он заберёт нас.

Марк торопливо бросал необходимые вещи в рюкзак. Вновь раздался мощный хлопок, рядом с гостиницей. Стены затрещали, казалось здание рухнет, с первого этажа слышались вопли и автоматные очереди.

Через секунду военкоры спускались по лестнице – лифтом пользоваться было опасно. Покинув отель, они передвигались непродолжительными перебежками, почти согнувшись. Темноту тут и там вспарывали оранжевые с кровавыми всполохами огни. Бомбы сыпались с воздуха, как горошины из порванного мешка. Слышался звук пролетающего самолёта, казалось, миру пришёл конец. Триполи, не защищённый светомаскировкой, представлял собой идеальную цель для бомбардировки.

Марк обернулся, прощаясь с прибежищем. Часть крыши отеля обрушилась, а в стенах появились большие трещины, в них проглядывала мебель.

Защищаясь от сторонников полковника Каддафи, оппозиционеры накрыли местность градом пуль. Мирные жители в панике кинулись врассыпную. Вадим старался не отставать от коллеги, не отпускал ни на минуту сумку с объективами и блендами. На плече висел фотоаппарат – верный боевой товарищ. Поблизости вспыхивали снопы огня. Марк был налегке и бежал впереди. Он всегда старался опережать события, жил на острие и ещё успевал на бегу делать снимки. Он помнил, что в редакции от него ждут ярких кадров с места военных действий.

Сквозь серую пелену дыма и пыли Вадим видел песочные берцы друга и это делало его необъяснимо спокойным.

– Ты как? – поинтересовался Марк.

– Отлично, – произнёс Вадим, споткнувшись.

Его подхватил местный житель, в ту же секунду рядом с ними прогремел взрыв. Мужчину, что помог Вадиму, отбросило на несколько метров, а самого Платонова посекло шрапнелью. Резкая боль пронзила его руки, ноги и живот, под разорванными рукавами рубашки выступила кровь. Марк не пострадал, хоть и не был одет в бронежилет. Неловко барахтаясь, Вадим безуспешно пытался встать, без помощи ему было не обойтись. Марк взял друга за руку и помог подняться. Он был почти на голову ниже Платонова и уступал ему в физической статистике, но Вадим ощутил его силу. Путь к гуманитарному коридору, где их ждал форд, они прошли вместе.

– Чёрт, я потерял камеру и сумку с объективами, – Вадим рванулся в сторону дымившихся руин, но Марк остановил его.

– Ты уже ничего не найдешь там, а вот жизнь потерять можешь.

Они сели в добротный форд, и тот без промедления рванул с места. Марк смеялся, как сумасшедший.

– Двигай, двигай! – кричал Ланской и делал снимки один за другим, проворно щёлкая затвором фотоаппарата.

Вадим молился, зажимая рану на животе.

– Он нездоровится? – по-русски спросил Абдалла, глядя на Платонова в зеркало заднего вида.

Машина петляла по разбитой дороге, подскакивала на рытвинах.

– Ужасные будут фотки, – расстроился Марк, просматривая фотографии.

– Ключевое слово – будут.

Вадим побледнел, его сотрясала мелкая дрожь, перед глазами мелькали красные огоньки. Мир сузился до того места на теле, где зияла рана, отнимавшая силы. Платонов вдруг подумал, что не переживёт ночь. Это происходило не где-нибудь далеко в незнакомой стране, это происходило рядом, это происходило с ним. Багровые вспышки на тёмно-синем бархате неба заворачивали. Приключившееся было настолько нереальным, что казалось фантазией.

– Ты совсем плох! Сейчас, погоди, – Марк подвинулся ближе к нему, извлёк из карманов-клапанов бинт, пластырь, из рюкзака – джин Бифитер.

– Оптимистичный наборчик, – заметив бутылку, сквозь боль улыбнулся Платонов. – Успел-таки уволочь с собой.

Марк наспех обработал джином раны Вадима и наложил повязки.

"Я выберусь отсюда живым, и всё изменю. Начну, пожалуй, с работы" – думал Ланской, поправляя бинты.

Эта живительная молитва не раз выручала его из опасных ситуаций.

– Ты действуешь, как опытная медсестра, – прошептал Вадим.

Глаза заволокла туманная дымка. Вадим смотрел на уставшее лицо Марка, видел расплывшиеся пятна пота на его рубашке. Сильно кружилась голова, и сосредоточиться хоть на какой-нибудь мысли не удавалось.

– Потерпи, недолго ещё осталось, – прозвучал издалека голос Марка.

Вадим впал в забытие, когда форд остановился у старого здания, сложенного из бесцветного кирпича. Здесь разместили больницу для гражданского населения. На стене висела пыльная простыня, на которой красной краской был нарисован крест. Фиксер Абдалла помог донести Вадима в импровизированный приёмный покой.

– Мы не можем принять его, – замахал руками один из докторов.

– Куда нам ехать? Повсюду стреляют. Я боюсь, что мы не сможем добраться до другой больницы. Помогите нам, умоляю, – просил Абдалла.

– Мы найдём место, но есть одна проблема.

В больнице не хватало запасов крови. Марк предложил свою помощь. Он являлся обладателем первой положительной группы крови. Медицинская сестра проводила его до кабинета переливания крови, оказавшегося небольшой каморкой с окном, сквозь которое пробивался тусклый лунный свет. Закатав рукав выше локтя, Марк лёг на кушетку. Худая бледная медсестра с печальными глазами закрепила на его руке катетер и через мгновение по тонкой трубке потекла густая кровь.

Наступило раннее утро, когда после короткой операции, Вадима разместили в палате. Его командировка подошла к концу. Платонов спал, и Марк решил не тревожить друга.

Коридоры больницы были переполнены ранеными, их стоны напоминали о преисподней. Всюду царил страх, хаос и удушающая жара. Врачи перебегали из одной палаты в другую, с каждым часом работы у них становилось больше. Здесь ничто не напоминало о стерильных больницах, скорее здание походило на собранный наспех полевой госпиталь.

Замерев у двери, Марк наблюдал, как молодой врач плакал, ампутируя ногу маленькому мальчику. Впервые опытный фотограф видел столь гениальный кадр, в котором отражалась вся боль войны. Не решаясь действовать, Марк замер в коридоре. Выгода боролась с совестью, но первая оказалась сильнее. Снимки определенно вызовут огромный резонанс и принесут ему немалую прибыль. Эти люди прославятся, уж он поспособствует этому. Никто не забудет их страданий.

С каждым мигom жизнь угасала в хрупком теле ребёнка. Ворвавшись в операционную, Марк сфотографировал умиравшего на хирургическом столе мальчика, опутанного проводами, ведущими к аппарату искусственной вентиляции лёгких.

– Убирайтесь, что вы делаете? – на Марка набросилась женщина с окровавленными руками и лицом, испещрённым мелкими ранками от осколков.

Её глаза были черны, как перегоревшие угли, и в них он не увидел ничего кроме отчаяния. Она говорила на арабском языке. Скучных знаний Марку хватило, чтобы понять, что женщина проклиняет его.

– Одно фото, всего лишь один кадр, – пообещал Марк и сделал снимок.

– Проклинаю тебя, пусть земля разверзнется под твоими ногами, – кричала она, отталкивая Марка от мальчика.

Медики тем временем суеились над маленьким пациентом, казалось, совсем не замечая присутствия постороннего в операционной. Медсестра по просьбе врача передавала ему инструменты. Внезапно все приборы начали издавать тревожные звуки. Переглянувшись с медсестрой, доктор приступил к экстренной реанимации, но у судьбы имелись свои планы.

– Мальчик умер, мне очень жаль, – устало сказал врач и снял маску. Он выглядел очень молодым, наверное, только окончил интернатуру.

Воцарилось гнетущее молчание. Горевавшая мать нетвёрдой походкой приблизилась к бездыханному телу своего сына. Она ласково гладила его тонкие руки, старалась не касаться ног. Женщина плакала беззвучно, но Марк видел слёзы в её глазах. Она подняла дитя на руки и рыдала, уже не скрывая скорби. Марк, который и вовсе чувствовал себя шакалом, сфотографировал этот момент. Он не мог остановиться, хоть и понимал, что действует не этично, но какая – то неведомая сила заставляла его вновь и вновь щёлкать затвором фотоаппарата. Сквозь окна покрытые пылью, пробивались первые солнечные лучи, мягко, падавшие на измождённое детское лицо. Получился очень сильный трагический кадр. Наконец, медсестра выгнала Ланского из помещения. Выключив камеру, Марк ощутил всю глубину своего падения. Неужели любой путь казался ему дозволенным? Он всё ещё слышал брань и проклятия, которыми его осыпала мать погибшего малыша.

Только вечером обессиленный Марк отправился в ближайший отель, но его постигло разочарование – все номера от трапезного с выбитыми стёклами до люкса были заняты иностранными корреспондентами. Администратор – маленький ливиец, пожав плечами, извинился.

– У нас нет свободных комнат. Единственный вариант, – проговорил он на скверном английском, – за углом есть здание, оно разрушено и теперь по нему бьют редко. Там вы сможете укрыться. Если хотите, я дам вам плед.

Марк согласился, и администратор принёс ему тёплый плед. Дом, что станет его приютом на ночь, располагался в нескольких кварталах от здания, где устроили больницу для раненых. Укрытым уголком оказалась двухэтажная лачуга с большой дырой в кровле, внушительными трещинами и отверстиями от пуль в стенах. Здесь некогда жила семья с детьми. На первом этаже по полу разбросаны игрушки: куклы с оторванными головами, потрёпанные плюшевые медвежата. Из мебели в доме остались лишь поломанные стулья. Марк шёл осторожно, опасаясь наступить на растяжку, которую могли установить повстанцы. Оглядываясь и прислушиваясь к шорохам, он поднялся на второй этаж. Сквозь огромную щель в крыше было видно тёмно-синее небо и яркие точки звёзд, тьму в пустынной комнате разгоняла луна. Нарушала романтичность момента, далёкая стрельба, которую вели мятежники с побережья.

В старом железном ведре Марк развёл костёр и подбрасывал в него обломки стульев и газеты, найденные в коробке. Весело разгорелось пламя, стало теплее. Закутавшись в плед, пропахший сигаретным дымом, Ланской устроился в углу.

В кафе отеля Марк купил ужин – спагетти. Столовых приборов ему не досталось. С шальной улыбкой и руками обработанными джином, он приступил к трапезе. А после смотрел на далёкий небосклон, что виднелся в пробитой крыше, запивал тоску остатками бифитера и ощущал себя незначительной песчинкой.

В больнице кормили не лучше, но Вадим ел с большим аппетитом – ему нужны были силы, чтобы выбраться из пылавшей Ливии. После обеда он наблюдал за медсестрой со скорбным, но очень красивым лицом. Она была мусульманкой и носила платок, скрывавший её волосы и шею. Иностранцу не следовало общаться с местными девушками или пристально разглядывать их, однако Вадим не удержался и украдкой кидал взгляды на юную особу. Кроме него в маленькой душной палате с облупившимися стенами расположили двух раненых черноглазых подростков, которые с любопытством следили за каждым его жестом. Иногда они смеялись и говорили по-арабски между собой, должно быть, обсуждали чужака.

– Как дела в больнице? – спросил Вадим у медицинской сестры, чтобы растопить лёд молчания.

Он не знал, понимает ли она английский, но ему отчаянно хотелось побеседовать с кем-нибудь. Медсестра обрабатывала его раны йодом, и услышав вопрос, замерла на мгновение.

– Много пациентов, врачи едва справляются. Не хватает крови, – зардевшись, произнесла девушка на плохом английском языке.

– А кто сдал кровь для меня?

– Тот, кто привёз вас, кажется, ваш друг, – сказала она и, закончив процедуры, вышла из палаты.

Спустя неделю Вадима выписали из больницы. Он пропустил самые интересные события – Баб – аль – Азизия пала, Каддафи скрылся. Вадим корил себя, что не вернулся за фотоаппаратом, где на карте памяти остались все фотографии, сделанные им в этой командировке. Если бы он собрал волю в кулак, то смог бы забрать кофр с техникой. О продолжении работы в Ливии не могло быть и речи. Вадима постигла неудача, но жизнь, полная блестящих возможностей и ошеломительных разочарований осталась при нём, а это значит, что "золотой" кадр ждёт впереди. Его история продолжается.

Глава 2. Последняя встреча

Палило солнце, его мощные лучи пронзали, как тысячи раскалённых острых мечей. Марк прислонился спиной к тёплой стене и спрятал руки в карманах. Он выглядел напряжённым, будто обдумывал что-то, но когда увидел друга, улыбнулся, и от бывшего напряжения не осталось и следа.

Вадим без особого желания покидал больницу. Ему предстоял долгий и полный опасностей путь в Египет, откуда он улетит в Россию.

– Брылёв ждёт моего бесславного возвращения, – угрюмо произнёс Вадим, вспомнив о потерянном фотоаппарате и отсутствии снимков.

– Ты вернёшься – это главное. Всё впереди. Возможно, не за горами "Серебряная камера", – Марк ободряюще похлопал его по плечу.

– Я завалил съёмку, со мной такого не бывало, – с сожалением признался Вадим. – Брылёв меня выкинет.

– Порой и ангелы падают. Есть вещи, неподвластные нам.

– Надолго остаёшься? – спросил Вадим.

– Даже солнце не знает, когда закончится дождь. Как получится, – Марк пожал плечами. – Сделаю золотое фото и примчусь в Москву.

Марк не боялся, что его настигнет смерть от меткой пули. Он провёл несколько месяцев в зоне военных действий и его инстинкт самосохранения работал с перебоями. За гениальным кадром он был готов лезть в самое пекло. И вот, лучшая фотография, снятая им, украшает передовицу "Утренней звезды".

– Ты сегодня странный, – нахмурился Платонов, – что-то задумал?

– Странный, – повторил Марк, – нет, вовсе нет. У тебя никогда не бывало такого чувства, что сегодня произойдет то, что изменит твою жизнь навсегда?

– Обычный бессмысленный день, – ответил Вадим.

Разговор показался ему неловким.

– Каждый день имеет значение.

– Я вернусь домой несолоно хлебавши – вот значение слова "сегодня" для меня.

– У тебя ещё будет шанс реабилитироваться.

Вадим усмехнулся. Как Марк мог понять его, ведь он всегда доводил работу до конца и получал восторженные отзывы.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Вадим.

– За что?

– Ты стал для меня донором, можно сказать, кровным братом. Не каждый готов отдать кровь своему конкуренту.

– Своему другу, – тихо поправил его Марк.

Раздался громкий сигнал. Абдалла хотел тронуться в путь до темноты, пока на дорогах относительно безопасно.

– Встретимся в мирной Москве, – улыбнувшись, предложил Марк.

– Удачи тебе, – Вадим пожал руку коллеги.

Затем, держась за больной бок, сел в старенький форд, и фиксер Абдалла резко вывернул руль. Вадим смотрел в зеркало заднего вида на Марка, который очень скоро превратился в маленькую точку на горизонте.

Редакция "Утренней звезды" располагалась на Цветном бульваре. Большое здание, построенное в тридцатых годах двадцатого века – типичный образец конструктивистского стиля. Серая глыба возвышалась над прохожими, подавляя своими грандиозными разме-

рами и торжественной монументальностью. Посетителей встречала выцветшая металлическая вывеска. Платонов иногда сотрудничал с этим изданием – продавал фотографии из командировок, писал статьи.

Он прошёлся по редакции, занимавшей два этажа, поздоровался со знакомыми журналистами, спросил у них о Марке, затем пошёл дальше по коридору. Остановился у двери, на которой висела латунная табличка, сообщавшая всем, что это кабинет главного редактора. Вадим тактично постучал и, услышав приглашение, вошёл.

– Здравствуй! Как здоровье? Поправился? – осведомился главред.

Главным редактором "Утренней звезды" был Сергей Иванович Маленков. Все черты его внешности говорили о крайней скупости: тонкие губы, близко посаженные глаза и плотное телосложение, намекавшее о любви к застольям. В одежде он отдавал предпочтение деловому стилю. Изворотливый предприниматель, Маленков с успехом ковал себе карьеру не только в журналистике, но и на политическом поприще. Они познакомились давно, когда Вадим подрабатывал стрингером – снимал митинги, чрезвычайные происшествия и предлагал их разным изданиям.

– Спасибо, сегодня я полностью здоров, – улыбнувшись, ответил Вадим. – Добрый день, Олеся Михайловна.

В кабинете у окна сидела Олеся Михайловна, работавшая фоторедактором в "Утренней звезде". Сдержанная, неулыбчивая девушка, всецело преданная работе. Она кивнула в ответ на приветствие Вадима. Он был коротко знаком с ней – Олеся принимала фоторепортажи у внештатных сотрудников. Вадим помнил её, как умную и элегантную даму. Такой она предстала и сегодня – строгий брючный костюм со стрелками, идеально отутюженная белая рубашка и очки в прозрачной пластиковой оправе, сквозь которые она оценивающе окинула взглядом Платонова.

– Наслышан о твоих приключениях – Марк рассказывал, – проговорил Сергей, делая приглашающий жест. – С чем пожаловал?

Как и любой предприимчивый человек, Маленков не любил терять времени даром. Он сел в своё любимое кресло, обитое натуральной кожей, Вадим устроился напротив. Вообще Маленков отличался любовью к роскоши и показному изобилию, порой чрезмерному – сказались голодные студенческие годы, проведённые в общежитии МГУ. Его кабинет был обставлен дорогой мебелью из древесины элитных сортов. Особым украшением интерьера служил массивный шкаф, заставленный от верха и до низа старинными книгами и подшивками газет, которые стоили баснословных денег.

– Я ищу Марка Ланского. На звонки он не отвечает, хотя телефон несколько дней был включен. Электронные письма, тоже остаются без ответа, – сказал Платонов.

– Марк поехал на съёмки по заданию редакции, хотя я предлагал ему взять отпуск, подождать, прийти в себя. Всё же после горячей точки не так легко адаптироваться, но он как будто не мог находиться в Москве. Нашлась интересная тема. Ланской снимал эвакуацию Берегового, где целый квартал провалился в огромную карстовую воронку.

– И в чём подвох? – насторожился Вадим.

– Прошло уже две недели, а от него нет ни одного сообщения, – подала голос Олеся Михайловна, тенью застывшая у окна.

– Это похоже на него. Марк всегда был одиночкой. Он может надолго пропасть, потом объявиться и предоставить снимки, достойные Пулитцеровской премии. Я не удивлюсь, если он придёт завтра, как ни в чём не бывало, – предположил Вадим.

– Нет, обычно, он каждый день отправляет несколько кадров в редакцию, а сейчас тишина длится две недели. Что-то неладное происходит, – сказала Олеся Михайловна, посмотрев вдаль, – а на звонки, вы правы, никто не отвечал, но телефон некоторое время был включен.

– Вы думаете, он может находиться в Береговом?

– Это исключено! Людей оттуда спешно эвакуировали – пребывание в городе просто опасно. Экстренные службы оперативно сработали, удалось избежать больших жертв, – ответил главный редактор.

– Марка опасность никогда не останавливала, – задумчиво произнёс Платонов.

Напротив, Марк Ланской, словно стремился туда, где его жизнь подвергалась риску.

– Он всегда слишком упрям, – заметила Олеся.

– А что родственники? Его девушка или жена? – спросил Вадим.

– Мать живёт в Тобольске. Он изредка с ней созванивается. Жена? Разве он женат? – вдруг задал вопрос главный редактор.

Маленков взял папку с личным делом Марка.

– Да, он обручён со своей работой, – тихо проговорил Платонов.

Вадим ничего толком не знал о жизни коллеги. Марк редко рассказывал о себе, словно боялся, что кто-то выведает у него сокровенную тайну, но был прекрасным слушателем. Порой он и вовсе предпочитал молчание, люди, любившие откровенность сочли бы его замкнутым.

– Не может быть, чтобы человек просто растворился, – упорствовал Вадим. – Что говорят в полиции?

– Никакой информации, кроме того, что телефон Марка запеленговали в Береговом, в доме, который располагается на улице Нагорной. Видишь ли, там очень страшное местечко. Не ровен час и карстовая воронка проглотит всё. К тому же уровень грунтовых вод повысился до критической отметки.

– Что же привело к такой катастрофе? – заинтересовался Вадим. В нём проснулось профессиональное чутьё журналиста.

– Эксперты разбираются. Очевидцы рассказывают, что посреди ночи обвалилась земля под домами. Погибло много жителей. Они спали, когда это произошло. И вот ещё странность – мост, что пролегал над рекой Белой, обрушился, и теперь всяческое сообщение с городом потеряно. Марк лишь раз звонил, доложил о своём прибытии.

– Он не высылал фотографий?

– Было несколько снимков. Марк всегда предоставляет только отменные материалы, – ответила Олеся Михайловна. Она включила, стоявший на столе ноутбук, и развернула его к Вадиму.

Фотографии, снятые Марком в Береговом, Вадим нашёл лучшими из всех, которые когда-либо видел. Боль, отчаяние и вместе с тем сплочённость запечатлены на них. При взгляде на фотоснимки, в уме рождались ассоциации с картиной Карла Брюллова "Последний день Помпеи". Несомненно, только очень талантливый фотограф мог снять такие кадры.

– Что за место? – спросил Вадим, листая снимки.

– До происшествия здесь добывалась большая часть калия в мире. Береговой – респектабельный, можно сказать, богатый город, и, к сожалению, там не спокойно. Не удивлюсь, если у жителей найдутся свои секреты.

– Поиски не дали никаких зацепок?

– Полицейские наспех провели расследование, сам понимаешь, зона опасная и долго находиться там нет возможности.

– Почти уверен, что Марк всё ещё в Береговом, – предположил Вадим.

– Разве это имеет смысл? – усомнился Маленков.

– Я успел изучить Марка. Для него каждый день наполнен смыслом, а уж в таком месте он непременно найдет оригинальный сюжет для фоторепортажа. Чтобы поймать удачный кадр иногда необходимо затаиться. Марку это всегда удавалось.

Возникла долгая пауза. Олеся Михайловна рассматривала фотографии, а главный редактор постукивал по столу ногтями с идеальным маникюром, казалось, исчезновение Ланского мало волновало его.

– Что ж, вполне разумная гипотеза, – согласился Маленков, тоном, выдававшим в нём равнодушие.

– Пробовали связаться с матерью? – Вадим продолжил свой допрос.

– Она прилетела в Москву вчера, говорит, что Марк давно не звонил ей.

– Галина Сергеевна опечалена и разбита, вряд ли она сможет чем-то вам помочь, – сказала Олеся Михайловна, поправляя очки.

– Я хочу встретиться с ней.

– Она остановилась в гостинице "Академическая". Может быть, тебе улыбнётся удача, а то жаль, материал пропадает, – он осёкся и спустя мгновение добавил: – Найди одного из моих лучших фотокорреспондентов.

Олеся открыла блокнот и написала номер телефона Галины Сергеевны Ланской, затем вырвала листок и протянула его Вадиму.

– Прежде договоритесь с Галиной Сергеевной о встрече, – сказала она.

Сергей Иванович встал, тем самым заканчивая разговор. Достав из кармана брюк тонкую пачку сигарет, Олеся Михайловна флегматично закурила и внимательно смотрела на фотографии.

– Дай знать, если что-то нароешь, – попросил Сергей Иванович, широко распахивая дверь.

Они коротко простились, и Вадим отправился в гостиницу "Академическая".

Поймав такси, Платонов устроился в салоне автомобиля и позвонил Галине Сергеевне. Они условились о встрече в кафе гостиницы, располагавшейся в центре Москвы.

Вадим впервые виделся с матерью друга, но сразу узнал её – те же голубые глаза, похожие на чистый лёд, светились добротой. Галина Сергеевна оказалась аккуратной, не лишённой шарма женщиной. Она была одета в изысканный кардиган и брюки, блестящие рыжие с проседью волосы уложены в пучок. Среди прочих госпожа Ланская выделялась величественной осанкой, гордо поднятой головой и немой мукой, застывшей во взгляде. Она переживала за сына, но в то же время, не теряла надежды на его возвращение. Рядом с ней сидела девушка в скромном сером платье. Они о чём-то тихо беседовали. Девушка накрыла своей рукой ладонь Галины Сергеевны и шепнула ей несколько слов, женщина отвернулась, вытирая слёзы. Кажется, окружающий мир перестал существовать для Ланской, когда единственный сын, бесследно исчез. Она вложила в его воспитание многие годы и почти все свои силы.

– Добрый день, я – Вадим Платонов, коллега Марка, – представился он и сел на стул.

Они попросили кофе и в молчании ожидали, пока нерасторопная официантка принесёт заказ. Никто из них не спешил завести беседу.

В полупустом кафе, обставленном старой мебелью, чувствовалась заботливая рука хозяйки. В светлом просторном зале царили уют и чистота. Столовые приборы, отполированные до идеального блеска, лежали на белоснежных льняных салфетках.

– Позвольте представить вам невесту Марка – Веронику, – прервав неловкую паузу, начала Галина Сергеевна и улыбнулась уголками губ.

– Приятно познакомиться, – почти в унисон произнесли Вадим и Вероника.

– Вы что-то слышали о моём сыне? – встрепелась Ланская.

У голубых глаз, потускневших от слёз и бессонных ночей, прорезались глубокие морщины. Видно изнутри её точила неизвестность, хотя Галина Сергеевна храбрилась, как могла. Это был её персональный ад.

– К сожалению, я давно не видел его. Приехал спросить, может вам известно что-то?

Всеми силами, что остались в её израненной душе, Галина Сергеевна сдерживала рвавшиеся из груди рыдания. Официантка принесла три чашки кофе и тихо поставила их на стол.

– Марк вернётся скоро, я знаю, – уверяла Галина Сергеевна.

– Я думаю, что он затаился где-нибудь. Удачный кадр выжидает, – проговорил Вадим, – он часто пропадал, но всегда находился – довольный, с большим архивом ярких фотографий. Марк непременно объявится.

– Да, а телефон просто потерял, – почти не веря своим словам, произнесла Галина Сергеевна. – Понимаете, мне кажется, мой сын только начал жить. Он всегда был серьёзным, даже в детстве. Марк рос застенчивым мальчиком, никогда ничего не просил, не жаловался. Я почти ничего не знала о его личной жизни. Перед поездкой в Ливию Марк сказал, что хочет познакомиться меня со своей невестой. В последний его визит, я заметила, что он изменился. Стал открытым, много улыбался, и его глаза лучились счастьем, – вспоминала Галина Сергеевна, – а вообще Маркуша редко что-то рассказывал. В детстве одноклассники называли его молчуном. Я не звонила ему так часто, как хотела, боялась отвлечь. Он всегда много работал, чтобы помочь нам с отцом. Папа Марка тяжело заболел – врачи обнаружили у него рак желудка. Год назад он умер, а теперь вот и Марк пропал...

В разговоре возникали длинные паузы. Ника нервно глотала кофе, а Галина Сергеевна не притронулась к кружке, лишь с отчаянием вглядывалась в кофейную гущу, будто там надеялась увидеть, где находится её сын. Вадим, конечно, мог бы, сказать слова утешения матери друга, а потом уйти, но это было не в его характере. Он превыше всего ценил дружбу, закалённую в горячих точках. Однажды друг помог ему выбраться из мясорубки, пришёл момент вернуть долг.

– Марк очень переживал эту потерю, – сказала девушка, до сих пор остававшаяся безмолвной.

Вероника коснулась узкой ладонью хитрого, как у маленькой лисицы, лица, обрамлённого длинными шелковистыми волосами, которые оттеняли серые глаза. Изящно сложенная, Ника походила на хрупкую француженку. Ей недавно исполнилось двадцать восемь лет. Вадим не мог назвать её красивой, но она притягивала к себе внимание утонченностью манер и обаянием. Ника оказалась лёгкой на подъём и часто отсутствовала в Москве. Она выбрала романтическую профессию, связанную с небом – работала стюардессой. Знакомство с ней казалось солнечным бликом в этой мрачной истории. Однако при всех очевидных достоинствах у Вероники имелся один недостаток – она была возлюбленной друга.

Долгое молчание Марка во время последней командировки не стало для Ники сюрпризом. Ланской порой не звонил несколько дней подряд, но после разлуки он всегда приходил к ней. Вдвоём они молчали подолгу, но это не тяготило их, то был союз двух одиночеств. Они находили, чем заняться – любили гулять, изучали многочисленные московские улочки; ходили в кинотеатры на дневные сеансы, которые почти никто не посещал.

Но безмолвие длилось уже две недели и в душе у Вероники поселилась печаль. Она с особенным трепетом вспоминала их последнюю встречу в Царицыно и не верила, что Марк расстался с ней. Внезапное исчезновение жениха разбило её сердце. Она терпеливо ждала возвращения Марка, но не только из ожидания складывались её будни. Вероника пыталась найти пропавшего фотокорреспондента. Прежде, чем решиться на поездку, Ника звонила жениху и не получала ответа. После тревожного разговора с матерью Ланского, Вероника, побросав вещи в чемодан, отправилась в неизвестность. Единственное, что она знала – Марк уехал по редакционному заданию в Береговой и после этого пропал. Аэропорта в маленьком городке не построили, и Веронике пришлось добираться до пункта назначения на машине.

– Береговой заблокирован, туда не въехать просто так, – говорила она. – Я нашла попутчиков. Но, к сожалению, нас развернули ещё на подступах к городу.

– Нет таких дверей, которые невозможно открыть, – ответил Вадим.

– Может быть, вам удастся попасть в Береговой. Постовой сказал, что ведутся ремонтные работы, – произнесла Вероника.

В потёртых джинсах и стильном пиджаке, скрывавшем подтянутое тело, Вадим показался Нике очень привлекательным. Тонкие шрамы на загорелой коже, оставшиеся после поездки в Ливию, делали его лицо мужественным. Хотелось дотронуться до небритой щеки, накрыть его сильную ладонь своей рукой. Казалось, он заметил, с каким интересом она рассматривала его. Вероника стыдливо отвела глаза и с тех пор избегала его взгляда. Она прониклась к Вадиму симпатией, но упорно скрывала зарождавшееся чувство. Её сердце принадлежало Марку, и питать привязанность к кому-то другому было бы предательством.

Платонов решил, что поедет в Береговой и будь что будет. Либо он найдёт Марка, либо нет.

– Я отправлюсь в Береговой и выясню, что произошло, – пообещал Вадим.

Галина Сергеевна скептически улыбнулась. От природы она не была доверчивой, передав ту же черту характера и своему сыну.

– Можно я поеду с вами? – попросила она.

Во взгляде женщины застыли слёзы. Слёзы боли и надежды. Вадим на минуту смутился, он не мог взять её с собой. В этой ситуации она была бы обузой.

– Я доберусь туда даже ползком. Как вы не понимаете, это ведь мой сын, мой единственный мальчик, – быстро проговорила Галина Сергеевна, уже не сдерживая слёз.

Вадим растерялся, он не терпел, когда кто-то плакал рядом с ним. Вероника взяла за руку Галину Сергеевну и посмотрела в её глаза.

– Иногда лучше отступить, – тихо, но решительно промолвила она, – вы должны доверять ему ради Марка, пожалуйста.

– Я не могу бросить сыночка, – рыдая, вымолвила Ланская. – Я обязана поехать.

– Нет, что вы, это может быть опасно. Ведь там произошла катастрофа. Всех жителей спешно вывезли оттуда, – произнёс Вадим. – Оставайтесь здесь, ждите вестей. Я обязательно буду держать вас в курсе событий. Доверьтесь мне.

– Ждать – самое тяжёлое из всех испытаний.

– Но сейчас, полагаю, это лучший выход из положения, – резюмировал Вадим.

Галина Сергеевна согласилась с его доводами, но попросила ничего от неё не скрывать. Она вытерла слёзы салфеткой, и судорожно всхлипнув, окончательно овладела собой. Воцарилось напряжённое молчание. Вадим посмотрел на часы.

– Что ж, мне пора. Необходимо собрать как можно больше информации о Береговом, – сказал Платонов и допил остывший кофе.

– Спасибо вам. Пожалуйста, сообщите мне, как только что-то узнаете.

– Хорошо, обещаю, вы обо всём будете знать первой.

– Позвольте, я провожу вас, – предложила Ника.

Вадим не возражал. Расплатившись, они простились с Галиной Сергеевной, и вышли на парковку, где ждало такси.

– Вы знали, что Марк стал для вас донором крови. Так, что вы, можно сказать, братья в какой-то степени, – произнесла Ника.

– Да, Марк – хороший друг. И я сделаю всё, что в моих силах, клянусь вам.

– Вам предстоит поездка не из лёгких, – предупредила Вероника. – То место навеивает странное чувство опустошенности, будто всё потеряно, и ничего уже не вернуть. Возможно, это ощущение как-то связано с исчезновением Марка. А что, если его уже нет среди живых? Я слышала, там много людей пропало без вести.

Пряча взгляд, она переминалась с ноги на ногу, пыталась успокоить расшалившиеся нервы. Вадим подавил в себе желание обнять её, коснуться шёлка волос и утешить. Он тихо пообещал:

– Я отыщу его, чего бы мне это не стоило.

– Для вас он бы сделал то же самое, – промолвила Вероника дрогнувшим голосом.

В этом Вадим не сомневался. Марк уже помог ему, а он не привык быть должником.
– Найдите его, прошу вас, – сказала Вероника и сделала шаг к нему.

Она оказалась так близко, что Вадим ощутил запах её кожи, смешанный с духами. Волнующее сочетание.

– Буду откровенен – я не знаю, чем закончится это предприятие.

Вероника, усилием воли, заставила себя успокоиться, хотя в её глазах мелькнули слёзы. Она старалась быть сильной, ради Марка.

– До скорой встречи, я буду надеяться, что ваша поездка завершится удачно. Как говорится, мягкой посадки, – сказала Вероника и улыбнулась, но улыбка получилась с оттенком грусти.

Вадим жил в районе метро "Беговая". В арендованной после развода с женой квартире его ждала пустота, звенящая тишина пугала. Простая, почти спартанская обстановка холостяцкой берлоги навевала уныние. Единственным украшением служил большой стеллаж из добротного дуба, тянувшийся от одной стороны комнаты к другой. Заставленный редкими книгами по истории, фотоискусству, он являлся гордостью Вадима Платонова. Напротив окна стоял продавленный диван, который жена вернула ему. К дивану сиротливо жался столик со сломанной ножкой, кою заменила стопка книг. На столе громоздился старенький телевизор, ноутбук и кофр с новым фотоаппаратом. По полу в беспорядке разбросаны маленькие подушки – своеобразные стулья для гостей. В комнатах чувствовался дух свободы и отсутствие женской руки.

Вадим не заводил домашних питомцев, ведь в любой момент его могли вызвать в командировку. Жить без привязанностей, было куда легче, чем нести ответственность за близких. Когда ему не спалось, он любовался собранной коллекцией бесценных томов. На своё увлечение Вадим тратил половину гонорара. Взгляд привлёк потрепанный корешок любимого романа "На западном фронте без перемен". Увлекательные книги подождут. Сейчас все его мысли занимала предстоящая поездка.

Прежде чем отправляться в путь, следовало собрать данные о странном городе. Заварив крепкий кофе, Платонов не теряя ни минуты, включил ноутбук и принялся искать информацию. О Береговом писали не часто, но всё-таки кое-что удалось найти.

В тех местах и раньше жили люди, но ни одно поселение не продержалось больше ста лет. Первые деревеньки появились ещё в тринадцатом столетии и сосредоточились вокруг соляных промыслов. Люди считали эти края гиблыми, поэтому там долго никто не задерживался. То, что осталось от прежних жителей, быстро пришло в упадок. Очередная волна поселенцев застала только уцелевшую деревянную церковь, которую построили ещё в начале двадцатого века.

История современного Берегового началась с трагической страницы – его строили политические заключенные. Они заложили первое здание – жилой дом, расположенный на улице Рудной. Это был двухэтажный барак, продуваемый всеми ветрами. Одновременно с освоением калийных залежей стали возникать другие постройки. Некоторые источники сообщали, что при возведении администрации резко возросло количество смертей. Следователи сходились во мнении – это, несчастные случаи; в бараках поговаривали, что нечистая сила против того, чтобы в этих местах жили люди. Некоторые были убеждены – давным-давно здесь существовало городище со старинными языческими святилищами, но большинство селян отрицали какую-либо роль высших сил в таинственных смертях. И всё же поселенцы попросили батюшку, из заключенных, освятить строительные площадки. Иерей окропил фундаменты святой водой.

В тот же год произошло чудо и не единственное! Случайные смерти прекратились, а чуть позже рядом с посёлком обнаружили крупное месторождение калийно-магниевых солей. Началась его разработка, а вместе с ней наступил расцвет Берегового. В город перебирались жители

из окрестных деревень. Здесь они находили работу, образовывали семьи и возвращаться в родные места не стремились.

До сентября две тысячи одиннадцатого года в Береговом проживало около пятидесяти тысяч человек, сейчас же численность жителей упала до нуля. О трагедии, произошедшей в конце сентября, нашлась всего лишь одна заметка, где сухо сообщалось, что в ночь на двадцать третье сентября произошёл обвал грунта. Под землёй оказались десятки домов вместе с жильцами. Иллюстрировали статью несколько фотографий – три из них сняты Марком Ланским. На них жители посреди ночи помогают спасателям разбирать завалы. Снимки сделаны почти идеально – композиция выверена до миллиметра, но самое главное они заставляли сочувствовать беде, внезапно постигшей Береговую. Марк работал, не щадя себя. Снимать в зонах природных катаклизмов всегда рискованно, ведь земля может уйти из-под ног. Марк никогда не пренебрегал своей безопасностью, однако бывало слишком увлекался съёмками, порой ничего не замечая вокруг.

Вадим достал походный альпинистский рюкзак на семьдесят литров, с которым преодолел ни одну тысячу километров. Подготовил запасы на несколько дней. В огромном рюкзаке поместились: еда и вода, фонарик, батарейки, нож, шесть коробков спичек, книга и, конечно же, плед. Осень обещала быть холодной, а Береговой, наверное, лишён отопления. Также Платонов взял кофр с новым фотоаппаратом, аккумулятором на смену, объективы и зарядное устройство для телефона. Вадим извлёк из ящика стола, закрытого по обыкновению на ключ, небольшую коробку. Он открыл её и вынул травматический Вальтер с серебристым корпусом. К нему прилагалась лицензия на ношение оружия.

Каждая вещь имеет свою историю. Этот Вальтер достался Вадиму по наследству. Травматический пистолет подарил ему отец-полковник воздушно-десантных войск. Он лелеял надежду, что единственный сын пойдёт по его пути, но юный Вадик желаний папы не разделял. В детстве его увлекла фотография, уже тогда он определился со своим призванием. Отец воспротивился его желанию стать профессиональным фотографом, а мать хоть и поддерживала мужа, всё же в тайне поощряла занятия сына. Именно она убедила супруга, что сын имеет право на собственный выбор и папа смирился. В качестве благословения он привёл сына в тир и там вручил подарок – деревянную шкатулку, украшенную искусной резьбой, о назначении коей Вадим догадался, не открывая её.

– Ты избрал мирную профессию, но любому человеку порой требуется защита. Я думаю, подарок придётся ко двору, – сказал отец и открыл шкатулку, сделанную из долговечного дуба, покрытого матовым лаком.

На красном бархате лежал Вальтер, отливавший серебром. Вадим с детства отрицал любовь к оружию, но любопытство одержало верх. Перламутровая рукоять словно была создана для его ладони. Отец надел наушники, Вадим последовал его примеру.

– Один раз, взяв в руки пистолет, ты уже не забудешь этого ощущения. Он будто становится продолжением тебя, продолжением твоих помыслов, – произнёс отец, извлекая свой пистолет из кобуры. Он сделал несколько выстрелов, и все они попали точно в цель.

Вадим долго прицеливался, нервничал, боялся, что папа, пристально следивший за каждым его движением, осудит его. Усилием воли, отбросив лишние мысли, Платонов-младший, наконец, выстрелил, но пуля прошла слишком далеко от мишени. Сняв наушники, отец подавил вздох разочарования.

– Из всех оружий, созданных человеком самое опасное – слово, а с развитием технологий – изображение, – сказал Вадим, положив пистолет обратно в коробку. – Скоро войны перейдут в другую плоскость.

Полковник изумлённо поднял брови, в его глазах отразилось сомнение. Вряд ли люди когда-нибудь будут сражаться словами.

– Главное, чтобы твои слова и изображения всегда достигали цели, – проговорил он и выпустил целую обойму, затем улыбнулся, довольный результатом – все пули поразили мишень.

Вадим невольно удивился мастерству своего отца. Ведь он уже не молод, а глаз у него острый, как у зоркого орла, сохранилась удивительная выправка, которую полковник всегда подчеркивал военной формой, или идеально отутюженной рубашкой и брюками со стрелками. Вадим же казался себе лишь бледной копией отца.

– Я надеюсь, что мой подарок вовсе не пригодится тебе, но бережно храни его, – сказал отец на прощание, – держи всегда при себе.

Вадим старательно ухаживал за пистолетом, изредка посещал тир и его стрелковые навыки росли. Интуиция подсказывала, что этот дар ещё сыграет свою роль в его судьбе.

Вадим положил в рюкзак и несколько метров верёвки. С юности он увлекался альпинизмом и считал, что верёвка может пригодиться в любом деле.

Надев рюкзак на плечи, и ощутив его тяжесть, Платонов вдруг усомнился в необходимости присутствия верёвки в своём багаже и достал моток. Крепкая белая нить толщиной в восемь с половиной миллиметров, разрывной нагрузкой в две тысячи килограммов. Вадим повертел верёвку в руках и кинул в рюкзак, решив взять с собой.

Поместив громоздкий рюкзак в багажник, и устроившись в салоне такси, Вадим поехал на вокзал. Поезд отбывал в три часа пополудни. Предстояло долгое путешествие. До Берегового почти две тысячи километров.

– Ездите налегке, – с сарказмом заметил таксист, извлекая огромный рюкзак из багажника.

Вадим ничего не ответил, он лишь посмотрел на горизонт. Далеко на холмах, где между сосен в лесной чаще гулял ветер, раскинулся Береговой. Солнце неделями не могло высвободиться из плена свинцовых облаков. Его слёзы дождём проливались на землю. Затихший и меланхоличный город ждал возвращения своих жителей или появления того, кто заинтересуется его секретами. Но никто не спешил возвращаться, напротив, жители бежали, бросив всё то, что было важно когда-то.

Сквозь серую пелену туч пробился робкий луч света. Солнце сначала несмело выглянуло, облака разошлись, и Вадим ощутил прикосновение тепла на своём лице.

"Хороший знак!" – подумал он и расплатился с таксистом.

Благополучно миновав досмотр, Платонов зашёл в вагон. Он расположился в пустом купе, и надеялся весь путь проделать в одиночестве. Опаздывавшие пассажиры заняли свои места, и поезд, лениво покачнувшись, тронулся. Вадим провожал взглядом проплывавший за пыльным окном унылый экстерьер Москвы, которая пожирала огромные территории с аппетитом, свойственным только хищному существу. За пределами столицы, пейзаж разительно изменился – бесконечные высотные постройки скрылись за буйными красками лесов. Вадим достал недочитанную книгу "Бунтующий человек" Альбера Камю. Часы тянулись долго и мучительно. Вадим не мог сосредоточиться и несколько минут читал одну и ту же фразу.

Наконец, поняв, что книга не может отвлечь его от размышлений, он вышел из купе и направился в вагон-ресторан. Здесь было не так многолюдно, как на вокзале. Звонкий стук вилок о тарелки и мерный стук колёс о рельсы смешивались, образуя замысловатую музыку путешествия. Окружённый людьми, Вадим успокоился, на мгновение ему удалось отогнать от себя мрачные мысли. Он заказал отбивную и чёрный кофе. Ел без аппетита, оглядываясь по сторонам, изучая публику, или смотрел в окно. Проводник сообщил о приближении санитарной зоны, значит, сейчас будет долгая остановка.

Вернувшись в купе, Вадим обнаружил, что теперь продолжит свой маршрут не один. Его попутчиками стали женщина и двое шумных веснушчатых мальчишек.

– Добрый вечер! – поздоровался Вадим и заметил, как нервничала женщина.

– Здравствуйте! – улыбнувшись, сказал один из мальчиков. Очевидно, он был заводилой. – Как твои дела?

Женщина, оттаяв, рассмеялась.

– Марк, ты просто бестактен, – отдернула его мать и обратилась к Вадиму, – извините, он иногда забывается.

– Ну что вы, мальчик очень вежлив – интересуется моими делами. К тому же, я просто не могу обижаться на него, ведь его зовут, так же как и моего старого друга.

– Какой причудливой иногда бывает судьба, – произнесла она и устало поджала губы, давая тем самым понять, что не расположена к общению.

Удивительно похожие друг на друга ребята, забыв о присутствии постороннего, раскладывали на сиденьях игрушки: электронных роботов и супергероев из мультфильмов. Их мать достала из сумки еду. Вадим вернулся к чтению, но книга так и не сумела увлечь его. Он украдкой наблюдал за детьми. Они были заняты вечной, как этот мир, игрой. Роботы сражались с супергероями.

– На войне не место человеку, – изрёк однажды Марк Ланской.

Это случилось на площади Тахрир в Каире, когда демонстранты требовали отставки президента Хосни Мубарака. Один из операторов запустил в небо квадрокоптер с камерой и снимал видео с высоты птичьего полёта.

"День гнева" в Каире стал началом революции, которая как зараза распространилась по всей стране. В воздухе уже витало напряжённое ожидание, конфликт накалялся.

– Ты только представь, когда-нибудь роботы будут воевать вместо нас, а люди будут следить за баталиями из уютного бункера, – фантазировал Марк.

Граната со слезоточивым газом, заставила их спрятаться за ближайшим зданием.

Вадим тогда скептически усмехнулся, но теперь видел, что такое будущее, пожалуй, не за горами. И творить его будут те, кто сейчас играет пластмассовыми роботами.

Почувствовав усталость, Платонов застелил постель, и едва его голова коснулась подушки, тотчас уснул.

– Просыпайтесь, просыпайтесь. Конечная! – настойчиво повторяла проводница, вырывая пассажира из крепких объятий сна.

– Береговой? – полусонно потирая глаза, спросил Вадим.

– Нет, – ответила проводница удивлённо, – мы не доезжаем до Берегового. Город закрыт для проезда любого транспорта.

Когда проводница вышла из купе, Платонов огляделся. Его попутчики – женщина и двое детей исчезли бесследно, словно бы они были всего лишь иллюзией. Он торопливо собрал вещи, схватил рюкзак и выбежал из купе.

Было около десяти утра, когда Вадим сошёл с поезда. Станция "Пересыпное" оказалась маленькой и шумной. Люди спешили оставить окрестности города, где произошла катастрофа. Покинув перрон, Вадим искал попутку, чтобы добраться до Берегового, но никто не соглашался ехать в том направлении. С тяжёлым рюкзаком за плечами он бегал от одного такси к другому.

– Доброе утро! Не довезёте до Берегового? – спросил он у шофёра.

– Нет, туда перекрыта дорога. Вы вообще слышали, что там произошло? – возмутился тот.

На лишние разговоры не оставалось времени – каждая секунда дорога. Не вдаваясь в объяснения, Вадим бросился к следующей машине.

– Вы едете до Берегового? – спросил он у кутившего в стороне от автомобилей таксиста.

– Нет, и не собираюсь, – ответил водитель.

Вадим всплеснул руками.

– Но ведь обо всём можно договориться! Я полагаю, вы умны, и у вас сегодня появится возможность заработать. Вы непременно должны использовать её.

Водитель, казалось, выглядел равнодушным, но курить перестал.

– Хорошо, что ты можешь мне предложить? – хищно улыбнувшись, поинтересовался он.

– А что ты хочешь? Могу подарить тебе смысл жизни, но ограничусь, пожалуй, деньгами, которые ты получишь, когда отвезёшь меня в Береговой. Согласен?

Поколебавшись немного, водитель всё же согласился. Вадим устроил внушительных размеров рюкзак на сидении старой волги и сам сел рядом. Шофёр резко вывернул руль, и машина, визжа, рванула, с такой прытью, которую сложно было заподозрить в выдавшей виды колыхаге.

– Эту развалюху я выиграл в карты. Повезло! – усмехнувшись, сказал водитель, словно прочитав мысли случайного клиента.

За окном пролетали маловыразительные пейзажи незнакомых посёлков и городков, изредка раскрашенные щедрой рукой природы. Зелёный и золотой переплетались с оранжевым цветом.

Попутчики не спешили завести разговор, предпочитая пустой беседе задумчивое молчание. Вадим пребывал в нетерпении, а время тянулось, он ежеминутно смотрел на часы. По пути попалась придорожная закусочная. Они сделали недолгую остановку, чтобы пообедать.

Глава 3. Прогулка среди теней

– Чёртов дождь! – выругался шофёр, накидывая на голову куртку.

Вадим промок до нитки, пока добежал до машины. Попад в уютное тепло автомобиля, он стряхнул с волос капли дождя.

– Когда уже он закончится!

– Только тогда, когда превратится в снег, а вообще всё когда-нибудь заканчивается, – заметил Платонов.

Водитель не представился, да и Вадим не испытывал желания знакомиться с ним. Он показался неприятным типом.

– Природа сердится, – пробормотал мужчина. – Потащился же ты в Береговой!

Водитель продолжал тихо ворчать, а Вадим старался не выказывать недоумения. Ведь таксист добровольно согласился довезти его до места назначения и даже получил небольшой аванс за свои услуги.

– Ты что не знаешь, что там происходит? – не унимался он.

– Да что же там происходит? – воскликнул Вадим. – Неужели всё так страшно? Я в первый раз туда еду к другу в гости.

Он притворился несведущим, подобная тактика иногда позволяла получать больше информации.

– Да, ты что ничего не слышал? – удивился водитель, глядя в зеркало заднего вида.

Пассажир кивнул.

– Ты отстал от жизни, приятель! Я могу рассказать тебе кое-что.

Вадим подумал, что сейчас шофёр потребует денег, но оказалось, что ему просто хотелось поделиться слухами.

– Там земля провалилась. Говорят прямо посреди ночи.

Водитель оживился, видно, он нуждался в общении.

– Дома вместе со спавшими в них жильцами оказались под землёй. У меня там знакомая погибла в ту страшную ночь, царствие ей небесное. Много хороших людей природа сгубила.

– Что послужило причиной? – праздно поинтересовался Вадим, наблюдая за тем, как капли дождя рисуют кривые дорожки на стеклах.

– А шут его знает, – простодушно ответил водитель, – я не живу в Береговом, но вот мой знакомый...

Вадим привык ловить слухи и по крупицам извлекать из них полезную информацию, поэтому не стал прерывать рассказ водителя.

– Так вот, мой приятель говорит, что под этим Береговым пустоты. Совсем недавно произошло маленькое землетрясение, после которого, за городом образовался большой кратер, разом под землёй оказалось озеро с родниками, – водитель ненадолго отвлёкся от дороги.

– Я ничего об этом не слышал, – с искренним удивлением признался Вадим.

– Теперь под Береговым целое подземное озеро. А вообще атмосфера там и до аварии была не очень.

– И в чём дело?

– Так вот слухи, – извиняясь, проговорил водитель и вдруг перешёл на шёпот, словно боялся, что кто-то мог подслушивать. – Там промышляет тайное общество. Они проводят бесовские обряды. Вроде совершили какой-то ритуал, который привёл к такой разрухе. Говорят, там даже рыбы мёрли – точно замешана чертовщина.

– А что шахты по добыче калия абсолютно ни при чём? – задал Вадим резонный вопрос.

– Может быть. Приятель считает, что добыча калия велась с нарушениями. Вроде даже хотели приостановить.

– И что же помешало это сделать?

– Я думаю, всё та же дьяволыщина, – пожав плечами, ответил водитель.

– Город умирает, – заключил Вадим.

Водитель хмыкнул, словно услышал глупую шутку.

– Разве город может умереть? – спросил он.

– Мегаполис подобен живому существу, и как любое живое существо он проходит определенные стадии развития. Когда строятся первые дома, происходит его зарождение, потом он прирастает новыми районами и жителями, а затем, когда ресурсы, питавшие его, исчерпаны, он умирает.

Дворники едва справлялись с ливнем. Таксист соблюдал осторожность, старался не обгонять и не выполнять опасных манёвров на скользкой дороге. Они были в пути пять часов и к вечеру добрались до Берегового. На несколько километров растянулась вереница машин. Пассажиры и водители ждали возможности попасть в город. Въезд был огорожен, выставлены посты ГАИ.

– Проезд закрыт, ведутся ремонтные работы, – сказал инспектор, когда водитель опустил окошко.

– Нам всего лишь нужно попасть на другой берег. А что случилось? – спросил Вадим с заднего сидения.

– Ведутся ремонтные работы, – терпеливо повторил инспектор. – Поезжайте по другой дороге.

Спорить с ним Вадим не стал. Береговой – закрытая зона. Платонов решил, что поищет проводника, который поможет пробраться в город. Водитель развернул машину, и они поехали в сторону ближайшего отеля. Неподалеку от города располагалась старая гостиница. Она предназначалась для дальнобойщиков и прочих командировочных, и была не лишена своеобразного обаяния. Этакий деревянный двухэтажный оазис среди безжизненной пустыни, место отдыха для уставших путников.

– Добрый вечер! У вас не найдётся свободного номера? – спросил Вадим у сонного хозяина гостиницы – невысокого мужчины с большим животом, одетого в растянутую серую футболку и старые джинсы.

– Вы бронировали? – потирая глаза, уточнил он.

– Нет, к сожалению, не успел. Срочные дела! Но я надеюсь, вы найдёте для меня комнату.

– Конечно, найду, отчего не найти для хорошего человека.

– Как бы попасть в Береговой? – задумчиво спросил Платонов у хозяина гостиницы, столь приветливо принявшего его.

– Увы, никак. Вы житель города или просто экстремал? – поинтересовался он. – Последних много в этих краях.

– Я ищу одного мужчину, – уклончиво ответил Вадим.

– Всех горожан эвакуировали.

– Я ищу фотокорреспондента. Быть может, он останавливался здесь после происшествия, или до?

Вадим достал из кармана куртки фотографию Марка. Владелец гостиницы внимательно рассмотрел снимок.

– Нет, я не видел его, – сказал он и вернул фото, вместе с ключом. – С вас пятьсот рублей.

Платонов расплатился и поднялся по лестнице. Номер оказался чистым и просторным. Старая, но добротная мебель делала комнату по-домашнему уютной, пожалуй, впечатление портили обои в цветочек. Эти стены видели много интересных историй, слышали разные голоса и надёжно хранили человеческие секреты. Аккуратно застеленная кровать обещала спокойный сон. Вадим поставил рюкзак у входа, бросил ключ на прикроватную тумбочку и про-

шёл в ванную. Он наполнил водой раковину, и задержав дыхание, опустил туда лицо, успокоившись, поднял голову. Придирчиво взгляделся в своё отражение, вспомнив слова жены, которая совсем недавно покинула его.

"Тебя любит только тот, кто смотрит из зеркала!" – бросила она на прощание, обернувшись.

Эта женщина позволила ему узнать, что такое боль разбитого сердца. Зеркало, в котором Платонов отражался, служило своеобразным мостом в мир прошлого. Мир разноцветный и полный событий. Не всегда приятных. Жизнь перестала бы быть интересной, если бы состояла только из удовольствий. Хороших дней у него имелась целая коллекция, но сейчас предстоял одинокий вечер. Сколько их было с тех пор, как жена подала на развод? Почти месяц. Конечно, Вадим понимал, что причиной расставания послужила его работа, а именно командировки в горячие точки. Жена всегда нервничала, когда прощалась с ним перед очередным отъездом. Не каждая любовь способна выдержать испытание разлукой. Да и было ли то чувство, что зародилось столь стремительно между ними, любовью? В самом начале их совместной жизни любимая клялась преданно ждать его из опасных рабочих поездок, и если потребуется, как храбрая жена декабриста, последовать за ним хоть на край света. Но обещания так и остались всего лишь банальными обещаниями, не успев принять осязаемой формы. Супруга Вадима жаловалась на отсутствие теплоты и нежности.

– Ты любишь свой фотоаппарат больше, чем кого – либо. Вот и ночуйте вместе на кухне! – выпалила она в сердцах во время очередной ссоры. Платонов не нашёл правильных слов, и понурился, покорно ушёл спать на продавленный диван.

Отгнав призраков прошлого, Вадим взял в руки записную книжку, куда скрупулезно заносил всё, что связано с исчезновением Марка Ланского. Собранные сведения уместились на одной странице.

На тарелке, что любезно подал хозяин гостиницы, лежала заветренная мясная котлета и переваренный рис. Повара этого отеля следует незамедлительно уволить. Платонов с тоской взял вилку и без желания приступил к трапезе, от которой его тут же отвлекло чьё-то присутствие. Перед ним стоял подросток настолько худой, что казалось, будто это всего лишь тень человека витала в воздухе. Он с любопытством наблюдал за тем, как Вадим ел рис. Голодный блеск во взоре паренька напомнил о войне.

– Хочешь позавтракать? – предложил Вадим.

В зоне вооружённых конфликтов он нередко покупал еду для голодавших детей.

– Шутите? – не отрывая от котлеты сосредоточенного взгляда, спросил подросток.

– Ни в коем случае.

Вадим заказал для мальчишки двойную порцию. Тот с жадностью, словно хищный коршун, набросился на еду.

– Где же твои родители?

– Они уехали, – коротко ответил подросток.

– В эвакуацию? Почему ты остался?

– Я здесь помогаю администратору.

Очевидно, парень уже давно вёл самостоятельную жизнь и ни от кого не ждал помощи. Когда принесли компот, мальчишка спросил:

– Я слышал, вы гида ищите?

Пытаясь скрыть волнение, Платонов сдержанно кивнул. Он искал того, кто поможет попасть в покинутый всеми город и вот, похоже, судьба послала ему проводника.

– Ты сможешь? – Вадим с сомнением поглядел на тощее, покрытое юношескими угрями лицо паренька.

– Четыре тысячи.

– Расценки, – присвистнул Вадим. – Что ж, мой незадачливый Вергилий, я согласен. Только зная вас проворных, деньги я отдам тебе, когда окажусь в городе. Договорились?

– Хорошо, – согласился парень. – Что за кличка – Вергилий?

– Вырастешь, узнаешь. Данте, возможно, станет твоим любимым автором. Кстати, ты не назвал своего имени.

– Зовите меня Вергилием, – усмехнувшись, ответил подросток.

– Хорошо, а ты зови меня Данте.

– Когда пойдём?

– На закате, главное прошмыгнуть мимо полицейских.

– Это я умею. Советую взять высокие резиновые сапоги, – сказал подросток и, проглотив остатки трапезы, быстро встал.

– Этого я не предусмотрел.

– Я подумаю, что можно сделать, – пообещал юный проводник, уходя.

Вергилий нашёл Вадима вечером, когда темнота накрыла окрестности непроницаемым покрывалом.

– Вот, возьмите, надеюсь, размер подойдёт, – сказал Вергилий и поставил перед Вадимом сапоги.

Тот поблагодарил проводника и надел их, оставив свои ботинки на крыльце гостиницы.

– Большие, – признался Вадим, – но это ничего.

Они вышли незамеченными. Миновав гостиничный дворик, две тени юркнули в лесную чащу. Юный Вергилий двигался тихо, словно действительно стал привидением. Недалеко от гостиницы он спрятал два велосипеда.

– Так, доберёмся быстрее, – пояснил Вергилий и, оседлав велосипед, уверенно взял курс на восток, где только взошла молодая луна, укутанная мантией из облаков.

Проводник не в первый раз путешествовал по этому маршруту, и Вадим был не единственным, кто хотел попасть в закрытый город. В основном это были мародёры, которые уносили из Берегового то, что не успели забрать жители. Вещь из города-призрака можно было втридорога продать на блошином рынке, снабдив интересной историей, а в этом местечке она была. И ещё какая.

Путники добрались до окраин Берегового перед рассветом. Бросив велосипеды возле тропинки, они зашли в самую глубь леса. Времена, когда люди боялись зла, затаившегося в лесу, давно уже канули в лету, однако первобытный страх поднимался из глубин подсознания.

– Может быть, включим фонарики? – предложил Вадим.

– Это не безопасно. Подождите, ваши глаза скоро привыкнут к темноте.

Ночные странники казались крохотными существами среди величия природы. Вадим напряженно оглядывался по сторонам. Было в этой чаще нечто пугающее и таинственное. Он побывал во многих перипетиях, не раз рисковал жизнью, но сейчас испытывал настоящий суеверный страх перед необъяснимыми силами, что заставили уйти под землю целый квартал небольшого городка. Их окружал лес, история которого насчитывала несколько столетий. Вдруг за одним из деревьев затаился саблезубый тигр или другой первозданный хищник? В жестокой схватке человек имел шансы победить зверя, но природу, победить невозможно, ибо она является частью человека. Если человек уничтожает природу, он уничтожает и себя.

Неожиданно послышался треск сухостоя и долгий протяжный стон. Вадим вздрогнул и огляделся.

– Мама родная, что это? – испуганно прошептал подросток, готовый к бегству.

– Это всего лишь ветер. Он заставляет деревья стонать и гнуться, – успокоил его Вадим.

Деревья – исполины угрожающе склонились над ними, сплетя стволы в диковинных объятиях, а некоторые тянули свои сухие ветки к странникам, подобно костлявым лапам изголодав-

шихся гаргулий. Вдалеке слышалось уханье совы, пробуждавшее в памяти мифы о леших и прочих злых духах, обитающих в тёмных лесах. Путники прошли почти три километра, прежде чем среди деревьев увидели пустую автостраду.

– Может, выйдем на дорогу? – предложил Вадим.

Его голос, взорвав тишину, эхом разнёсся на несколько метров. С насиженной ветки сорвался ворон.

Вергилий приложил указательный палец к губам и прошептал:

– Безопаснее огибать дороги. Мы минуем посты ДПС и попадём прямо в город.

Словно в подтверждение его слов, поблескивая маячком, по дороге проехал автомобиль дорожно-постовой службы.

– Долго ли ещё идти?

– Почти пришли, – сказал подросток, и усмехнувшись, добавил: – Данте.

Тропинка узкой ленточкой вела к отвесному обрыву. Вадим слышал слабое журчание воды. Лес расступился, и перед ними, переливаясь в лунном свете, показалась река. Тропа заканчивалась на обрыве. Вадима поразила невиданная красота, невзначай возникшая перед ними. Окруженная тёмной кромкой леса, река Белая протянулась до самого горизонта. Свет луны подобно искусным мазкам художника мягко ложился на её берега. Платонов невольно залюбовался, открывшейся дивной панорамой, но вспомнив о цели своего визита, помрачнел. Они быстро спустились по склону. Чтобы попасть в город предстояло перейти реку, которая теперь походила на высохший ручеёк. Северный ветер разогнал тучи и на небосводе появилась бледная луна, осветившая им путь. Вадим разглядел потрескавшуюся землю там, где река Белая когда-то несла свои воды. Утробный вой оглушил их. Не было слышно ничего вокруг, кроме тревожного завывания.

– Чертовщина какая-то! – воскликнул Вадим.

– Бродячие собаки! Когда люди ушли, они почувствовали себя хозяевами на той территории, где были когда-то изгоями, – объяснил Вергилий.

– И много их там?

– Хватит, чтобы загрызть. Главное не бояться, они остро ощущают страх.

– Страх – не наш брат, страх – наш враг. Врагов обычно побеждают. Приступим!

Вадим был опытным борцом со страхом. Ведь каждый раз в зоне военных конфликтов ему приходилось вставать в полный рост, когда вокруг свистели пули, идти навстречу опасности, чтобы сделать свою работу.

Вновь раздалось собачье рычание. Псы ожесточённо дрались за добычу. И это пугало Вадима больше, чем повстанцы с автоматами, ведь с людьми всегда можно договориться, а голодные собаки вряд ли будут дружелюбны.

– Я доведу вас до берега, а дальше, извините, не пойду, – испуганно произнёс Вергилий.

Вадим с пониманием посмотрел на костлявого паренька. Кому в здравом уме захочется рисковать жизнью?

Не обнаруженные ни одной живой душой, они переходили реку вброд. Только луна видела две фигуры, что во мраке крались к берегу. Река оказалась неглубокой, она едва доставала до середины голени, в самом мелком месте доходила до щиколоток. Вода серебрилась в лунном свете, а её течение было бурным. Вадим мысленно воздал хвалу юному проводнику за то, что он принёс ему резиновые сапоги. Широкими шагами Вергилий продвигался вперёд, изредка оглядываясь, будто боялся преследования. Наконец, они очутились на противоположном берегу.

– Миссия завершена, – объявил Вергилий.

Он воспринимал реальность, как компьютерную игру. Такой подход к жизни лишил его остроты восприятия, но дарил азарт.

– У меня сегодня день рождения! – вдруг проронил Вергилий.

– Поздравляю! Я не против дней рождений, только, когда они чужие, – Платонов достал деньги из внутреннего кармана. – Раз, два, три, четыре. И пять – подарок на день рождения.

Вадим положил купюры на влажную ладонь подростка.

– Спасибо, – поблагодарил Вергилий и растворился в сумраке, оставив Платонова наедине с таинственным городом.

До восхода солнца остался час. Берегового Вадим не знал, но взял с собой карту, которую любезно преподнёс ему в качестве сувенира хозяин гостиницы. Вадим достал её из рюкзака вместе с фонариком, и, сев на корточки, развернул. Он обладал завидным умением читать географические карты и прекрасно ориентировался на местности. Оглядевшись, нашёл аншлаг с названием улицы. Вергилий привёл его в западную часть города, на самую окраину. Ранее Вадим поставил крестик в том месте, где была отмечена активность мобильного телефона Марка, также он обозначил участок, где возник обвал грунта. Убрав карту в рюкзак, Вадим отправился в путь. Он проверит каждый закоулок, каждый дом и отыщет хоть какую-нибудь нить, ведущую к Марку Ланскому.

В полумгле промозглой ночи, казалось, что горожане спят, а завтра с первыми лучами солнца здесь закипит жизнь. Рано утром придут дворники и сметут жёлтые листья с узких аллей. Но... Раздался оглушительный взрыв, за ним произошёл ещё один, меньший по силе. В небо взметнулся огромный столб пыли. Из воронки выходил газ. В течение часа над городом висело густое облако дыма. Вадим замер на мгновение, обуреваемый желанием, развернуться в сторону реки и бежать прочь. Но он был человеком слова, и данное обещание сковывало его по рукам и ногам. Презрев опасность, Платонов двинулся вперёд, туда, откуда прозвучал взрыв.

На периферии почти не было жилых зданий. Сплошь промышленные постройки. Вадим прошёл два километра, прежде чем ему попался жилой дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.